

ГЛАВА V.

НАЧАЛО МОДЕРНИЗАЦИИ

5.1. ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Как было показано ранее, до начала XIX века диффузионные процессы на Европейском континенте инициировались в основном военно-техническими открытиями и протекали по схеме, описываемой теорией военной революции. На протяжении 1620–1820 годов имели место четыре военных революции: первая из них ознаменовалась созданием легких полковых пушек, вторая – изобретением штыка и фузеи, третья – усовершенствованием линейной тактики Фридрихом II, четвертая – созданием подвижной полевой артиллерии и тактики колонн. Каждая крупная военная инновация порождала волну завоеваний, и соседние страны были вынуждены перестраиваться по образцу завоевателя, заимствуя его военную технику, политические и культурные институты. Как показывает теория военной революции, политико-социальной системой, соответствующей данному уровню военной техники, было военно-бюрократическое «регулярное государство» или, как его называли иначе, «просвещенная монархия».

Однако технические открытия делались не только в военной области, одним из важных достижений эпохи было создание совершенного океанского парусного корабля, флейта. Это голландское изобретение породило особый культурный круг, главными элементами которого, помимо флейта, были морская торговля и торгово-промышленное предпринимательство, а в политической сфере – правление купеческой олигархии. Однако более или менее полная трансформация по голландскому образцу произошла только в Англии; в других странах голландские элементы не были преобладающими: хотя Франция во времена Кольбера создала торговый флот и торговые компании, она осталась военной монархией. В условиях постоянных войн на континенте могли существовать лишь военные монархии; купеческая Голландия вскоре потерпела поражение в этих войнах и была жестоко разорена войсками монархий. Значительная

часть голландских купцов эмигрировала в Англию, которая стала новым центром голландского (теперь англо-голландского) культурного круга. Английские корабли создали многопалубные линейные корабли, и эта техническая инновация окончательно утвердила британское господство на морях.

Поскольку морская торговля дала английскому купечеству огромную финансовую силу, то оно вступило в борьбу с королем и вынудило его и землевладельческую аристократию поделить власть. «Билль о правах» 1689 года закрепил всю законодательную власть за парламентом, однако избирателями могли быть только богатые собственники, и реально властью владела олигархия купцов и землевладельцев.

Богатства Англии и «свободы» английской аристократии вызывали зависть у дворянства и буржуазии континентальных стран. Диффузионное влияние англо-голландского культурного круга стимулировало попытки введения олигархических конституций в разных странах, в частности, в Швеции. Английское влияние сказывалось и в России: в олигархической попытке 1730 года, в конституционных проектах Н. И. Панина в начале царствования Екатерины и в попытках ограничить самодержавие после убийства Павла I.

Однако философы и политики тех времен хорошо понимали, что олигархическому правлению свойственна внутренняя слабость, происходящая от постоянной борьбы между различными аристократическими группировками — ярким примером такой борьбы было польское «беззарижье». С другой стороны, олигархия не могла опереться на поддержку народа и вручить ему оружие — поэтому армии в таких странах были наемными и, следовательно, малочисленными; они не могли сопротивляться огромным армиям военных монархий. Как известно, Россия поддерживала олигархическое устройство Швеции и Польши именно с целью не допустить усиления этих стран; эта логика присутствовала и в решении сохранить конституцию во Франции. Англия с ее парламентом и слабой наемной армией могла существовать только в условиях островной изолированности. Поэтому, хотя олигархические режимы были привлекательны для аристократии, они не получили распространения в Европе XVIII века; Польша была в конце концов поделена между тремя военными монархиями, а Швеция была вынуждена ввести абсолютистское правление¹.

Таким образом, английское влияние в XVIII веке было обусловлено не военными, а финансовыми и торговыми преимуществами; оно распространялось не войнами, а деньгами и примером — то есть

постепенным, диффузионным путем. Правда, Англия сумела завоевать значительную часть Индии, но этот успех был следствием общего военного превосходства, которого добились к тому времени европейские народы, и результатом того, что, господствуя на морях, Англия могла реализовать это превосходство в отдаленных регионах. Необходимо отметить также, что английские войска в Индии состояли из наемников-сипаев, и победа была обеспечена английскими деньгами в той же степени, что и английскими мушкетами. Этот невоенный механизм распространения английского культурного круга необходимо иметь в виду при рассмотрении последствий промышленной революции.

Начавшаяся в конце XVIII века промышленная революция породила грандиозную диффузионную волну, намного превосходившую диффузионные волны прошлого. Промышленная революция означала рождение новой культуры и новой цивилизации, это был процесс, полностью изменивший жизнь людей, социальную структуру общества, производственные и социальные отношения. Технический фактор вышел на первый план и стал обуславливать течение многих социально-экономических процессов, постепенно все более расширяя сферу своего влияния. Как отмечалось выше, процесс трансформации общества под воздействием промышленной революции называют *модернизацией*, хотя употребление этого термина достаточно вариативно, и иногда говорят о ранней модернизации, связанной с распространением англо-голландского культурного круга в XVII–XVIII веках. Модернизация началась на родине промышленной революции, в Англии, и постепенно распространилась на Европейский континент, на Францию, страны Центральной Европы, а затем и на Россию. История России XIX–XX веков определялась взаимодействием процесса модернизации с процессами внутреннего развития, причем российская модернизация неизбежно повторяла этапы, уже пройденные теми странами, где модернизация началась раньше. Это была «догоняющая модернизация», и поэтому анализ российской истории этого периода невозможен без краткого обзора процесса модернизации в странах Европы.

В основе промышленной революции лежала техническая революция, начавшаяся в Англии во второй половине XVIII века. Эта революция началась с механизации прядения хлопка, с создания в 1760-х годах механической прялки «Дженни» и ватерной машины Аркрайта. Затем революция распространилась на другие отрасли промышленности, в 1769 году Джеймс Уатт взял первый патент на свою паровую машину, а в 1785 году Генри Корт изобрел способ

производства чугуна на каменном угле. Уже вскоре после появления паровой машины начались попытки создания пароходов. В 1807 году американец ирландского происхождения Роберт Фултон построил пароход «Клермонт», и через девять лет в Америке было 300 пароходов, а в Англии — 150. Одновременно со строительством пароходов делались попытки создания паровой повозки. В 1830 году Джордж Стефенсон завершил строительство первой большой железной дороги между городами Манчестер и Ливерпуль; по сравнению с гужевым транспортом скорость перевозок увеличилась примерно в 4 раза при четырехкратном уменьшении их стоимости². В 1832 году была пущена первая железная дорога во Франции, немного позже — в Германии и США; локомотивы для этих дорог изготавливались на заводе Стефенсона в Англии.

Появление железных дорог означало «великую транспортную революцию», которая повлекла за собой многочисленные и чрезвычайно важные последствия. Прокладка железных дорог сделала возможной доставку грузов из районов, удаленных от морского побережья, и многократно расширила обороты мировой торговли.

Первым экономическим последствием промышленной революции стало создание фабричной текстильной промышленности. Фабрики давали фантастические прибыли — не 5 и не 10% в год, как при обычном вложении капитала. «Счастье Ланкашира составили сотни и тысячи процентов прибыли», — скажет позднее один английский политик³. Владельцы капиталов торопились вложить их в строительство фабрик; в 1785 году было выпущено только 40 млн. ярдов хлопчатобумажных тканей, в 1830 году — 2025 млн. ярдов! В результате огромного расширения производства цена продукции уменьшилась в 10 раз, но прибыль, хотя и снизилась, еще оставалась высокой — порядка 50% на производстве одного фунта пряжи⁴.

«Текстильный бум» означал появление новых промышленных родов, таких, как Манчестер, с его «сотнями пяти- и шестиэтажных фабрик, увенчанных каждая огромной трубой с султаном черного дыма»⁵. Тысячи рабочих уходили из деревни в города. Другой стороной этого процесса было разорение ремесленников, не выдерживавших конкуренции с фабриками. Ремесленники голодали и устраивали бунты, в 1830–1840 годах численность ручных ткачей сократилась вдвое. Движимые отчаянием ткачи составляли самый решительный отряд чартистского движения⁶.

Промышленная революция дала Англии не только дешевый текстиль, на английских заводах производились разнообразные машины и станки, прежде всего паровозы и пароходы. Развитие судострое-

ния позволило Англии сосредоточить в своих руках более половины тоннажа мирового флота и подавляющую часть морских перевозок. К 1840-м годам Англия превратилась в «мастерскую мира», на ее долю приходилось более половины производства металла и хлопчатобумажных тканей, основная часть производства машин. Население стекалось к фабрикам, и фабричные поселки превращались в огромные мегаполисы; в 1844 году в Лондоне было 2,5 млн. жителей.

Символом нового индустриального общества стал «Хрустальный дворец» — огромное здание, в котором размещалась промышленная выставка 1851 года. Впечатление, которое производили выставки 1851 и 1862 года на людей из другого мира, почти не затронутого промышленной революцией, было огромным. «Да, выставка поразительна, — писал Ф. М. Достоевский. — Вы чувствуете страшную силу... вы признаете исполинскую мысль, вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа торжества»⁷.

Промышленная революция принесла с собой кардинальные перемены в социальной структуре Англии. Если прежде Англия была аграрной страной, то к 1840 году доля занятых в сельском хозяйстве сократилась до 22 % населения. Основную часть населения теперь составляла новая социальная группа — фабричные рабочие; другой новой группой была промышленная буржуазия. Производственные и социальные отношения нового общества еще только складывались, и их первоначальные формы были далеки от оптимальных. Чтобы адаптироваться к новым условиям, английскому обществу предстояло пройти длительный путь развития, и поскольку следом за Англией этим путем (с возможными вариациями) шли и другие страны — в том числе Россия — то представляется важным хотя бы вкратце отметить основные этапы английской социальной модернизации.

Государство поначалу практически не вмешивалось в отношения между рабочими и хозяевами, трудового законодательства не существовало. Это приводило, в частности, к широкому использованию труда детей и женщин: рабочий день продолжался в среднем 14 часов, причем часть рабочих выходила в ночную смену. Жизнь в грязных рабочих казармах, скученность и антисанитария негативно отражались на здоровье и физическом состоянии населения⁸.

В начале XIX века основную часть рабочего класса составляли недавние выходцы из деревни, как правило, неграмотные и еще не освоившиеся в новом мире. Но со временем массы рабочих адаптировались к новым условиям и осознали единство своих целей; процент грамотности среди населения постепенно повышался и к 1850 году достиг 70 %. Происходившие время от времени экономические кри-

зисы приводили к массовым увольнениям и понижению заработной платы, они активизировали рабочих и побуждали их бороться за свои права⁹.

Другой новой социальной группой английского общества была промышленная буржуазия. В 1820–30-х годах центром притяжения разбогатевшей буржуазии стала партия вигов (впоследствии принявшая название либеральной партии). Доктриной вигов стал либерализм, главным принципом которого был «laissez faire» — принцип невмешательства государства в экономическую деятельность граждан, прежде всего, в свободу торговли¹⁰.

Еще одним элементом новой социальной структуры был новый образованный средний класс. Специалисты отмечают, что в 1820-х годах число студентов в английских университетах, на протяжении предыдущего столетия остававшееся стабильным, внезапно возросло вдвое. Этот скачкообразный рост численности лиц с высшим образованием был одним из проявлений процесса модернизации: новому обществу требовались люди с образованием. Но этот рост был также и следствием того, что образование стало более доступным — прежде всего, в результате технической революции в книгопечатании. В 1814 году инженер Фридрих Кениг создал автоматическую печатную машину, дававшую 1000 оттисков в час; после этого книги и газеты стали массовым товаром, доступным широким слоям населения¹¹. С другой стороны, *резко возросли возможности печатной пропаганды, которая стала новым мощным средством распространения диффузионных влияний*.

Новый образованный класс впитывал в себя новые научные и технические знания, новые философские и социальные теории в конечном счете обязанные своим развитием научно-технической революции. Обладание этими новыми знаниями придавало образованному классу новые качества, и прежде всего, уверенность в том, что он играет особую роль, что он является представителем «прогресса», представителем нового мира фабрик и железных дорог, уверенность в том, что ему принадлежит будущее. В 1830–40-х годах «прогрессивный» образованный класс в Германии и Франции называли «*интеллигенцией*»; интеллигенция была молодой социальной группой — и естественно, она состояла из молодых людей, в значительной степени из студентов. Резкий рост образованного класса привел к тому, что выпускники университетов не могли найти себе применения, поэтому в 1830-х годах численность студентов немного уменьшилась и в дальнейшем стабилизировалась. Будучи молодыми и обладая новыми знаниями, интеллектуалы имели повышенные амбиции — и не-

возможность найти свое место в новом мире толкала образованный класс на путь радикализма¹².

Радикализм был политическим течением, зародившимся в конце XVIII века, его главным лозунгом было всеобщее избирательное право и уничтожение привилегий правящей элиты. Политическая система Англии была наследием допромышленной эпохи, когда власть и влияние принадлежали двум классам, составлявшим основу партии тори, крупным землевладельцам (лендлордам) и торговой буржуазии. Избирательная система была архаичной: в конце XVIII века насчитывалось 220 тыс. избирателей, но при этом половину парламента выбирали 11,5 тыс. избирателей, и имелось много округов (так называемых гнилых местечек), где число избирателей было меньше десяти. Коррупция и контроль над гнилыми местечками обеспечивали сохранение власти в руках сравнительно немногочисленной и замкнутой торийской аристократии. Радикализм отрицал привилегии власть имущих, поэтому он, с одной стороны, поддерживал амбиции образованной молодежи, а с другой стороны, выражал интересы стремящихся к улучшению своего положения рабочих. В 1816 году лидер радикалов Уильям Коббет опубликовал в специальном номере издаваемой им газеты «Письмо к поденщикам и рабочим», в котором доказывал, что единственным средством для улучшения положения рабочих является борьба за всеобщее избирательное право. Тираж этого «Письма» составлял 200 тыс. экземпляров — это была первая массовая листовка, первое использование нового метода политической пропаганды¹³.

Традиционные английские политические свободы, неприкосновенность личности, свобода печати, митингов и демонстраций облегчали политическую трансформацию старого общества. Огромные митинги, собиравшие до 100 тыс. человек, стали основным средством давления на правительство¹⁴. В конечном счете правящая аристократия была вынуждена пойти на уступки. Закон 1832 года ликвидировал гнилые местечки, понизил избирательный ценз и расширил контингент избирателей до 670 тыс. человек (13% взрослого мужского населения). В результате реформы промышленники и новый средний класс получили избирательные права; к власти пришла партия вигов. Что же касается рабочих, то они остались за бортом избирательной системы и продолжали свои выступления в рамках движения чартистов, сторонников «Народной хартии», требовавшей всеобщего избирательного права. Однако новый либеральный парламент отверг Хартию, были произведены массовые аресты, и движение чартистов было разгромлено. Таким образом, в Англии была

впервые реализована описанная Э. Хобсбаумом *стандартная схема европейских революций*: либералы и радикалы инициируют выступления и вовлекают в них рабочих, либералы добиваются своих целей, а затем объединяются с консерваторами и отражают продолжающееся наступление рабочих¹⁵.

С середины XIX века вигов стали называть либералами, а радикалы составляли левое крыло либеральной партии. Постепенный рост грамотности и сознательности рабочих привел к распространению социалистических теорий. Как известно, отцом «английского социализма» был Роберт Оуэн, предлагавший создание коммун-ассоциаций, которые, существуя рядом с капиталистическими предприятиями, убедили бы людей в своем экономическом превосходстве, распространяли бы новую коллективистскую мораль и в конечном счете вытеснили бы капиталистическое предпринимательство¹⁶. Однако главную роль в борьбе рабочего класса сыграло не распространение социалистических идей, а усиление профсоюзов (тред-юнионов), превратившихся в сплоченные организации, основанные на дисциплине и взаимопомощи. В 1867 году радикалы при поддержке тред-юнионов вновь подняли вопрос о расширении избирательного права и после месяца митингов, демонстраций и ожесточенных столкновений с полицией добились решающих уступок: круг избирателей был расширен примерно до трети взрослого мужского населения. После этой реформы профсоюзы получили возможность влиять на исход выборов и играть на противоречиях либералов и тори (которые стали называться консерваторами). В 1870–1880 годах были приняты законы о всеобщем начальном образовании, о 10-часовом рабочем дне для мужчин, о расширении прав профсоюзов. В 1885 году новая избирательная реформа расширила контингент избирателей до двух третей мужского населения. Под натиском забастовочной борьбы предприниматели были вынуждены идти на уступки, и к концу XIX века рабочий день на многих фабриках уменьшился до 8 часов, а реальная заработная плата по сравнению с серединой столетия возросла примерно вдвое¹⁷.

Таким образом, процесс приспособления социальной системы к новым техническим и экономическим условиям был достаточно длительным и продолжался более столетия. К концу XIX века он привел к формированию демократического общества, сочетавшего свободу частного предпринимательства с определенными социальными гарантиями и достаточно высоким уровнем жизни рабочих. Поскольку на протяжении долгого времени Англия была лидером мировой модернизации, то эта модель служила образцом для других стран.

Практически в каждой европейской стране были свои либералы, радикалы и социалисты, бравшие за образец своих английских собратьев и искавшие у них поддержки. Англия оказывала финансовую и дипломатическую поддержку либеральным и радикальным партиям. «Пальмерстон всячески поддерживал либеральное движение в Италии и других странах, — писал Джорджо Канделоро, — пытался направить его на путь реформ и конституционных преобразований, и старался вовлечь средние и мелкие государства европейского континента в орбиту английской политики и экономики...»¹⁸

5.2. ПРОЦЕССЫ ДИФФУЗИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Фундаментальные открытия в технической сфере сделали Англию центром распространяющегося *культурного круга*, который обычно называют «промышленной цивилизацией». Помимо машин и фабрик элементами этого культурного круга стали английские социальные традиции: парламентаризм, свобода частной собственности и частного предпринимательства — те общественные принципы, которые обычно называют либеральными ценностями. Вслед за либерализмом — по мере того как в Англии получали распространение новые социальные доктрины — заимствовались также радикальные и социалистические учения. Заимствовались и многие культурные достижения и традиции; все английское на долгое время вошло в моду.

Прежде всего, техническая революция в Англии породила стремление к перениманию английских технических новшеств. Вывоз машин из Англии был запрещен, однако они вывозились контрабандой. В 1771 году французский инспектор мануфактур Холпер привез из Англии прялку «Дженни» и, скопировав несколько экземпляров, разослал их по провинциям в качестве образцов. В 1785 году английские механики Вуд и Холл построили в Лувье первую французскую прядильную фабрику; в этом же году английский металлург Вилькинсон наладил на заводе в Нанте выплавку чугуна с использованием каменного угля. Революция и наполеоновские войны на время прервали процесс заимствований. В 1828 году при поддержке французского правительства близ Компьена была создана образцовая хлопкопрядильная фабрика с лучшими английскими машинами, и описание этой фабрики вместе с чертежами машин распространялось среди французских предпринимателей. К этому времени во Франции

и Бельгии было налажено копирование станков по нелегально ввезенным английским образцам, и такие станки вывозились в другие страны, в частности, в Россию, однако копии были дорогими и плохого качества¹⁹.

В России распространение английской техники было связано с деятельностью шотландского механика Чарлза Берда, который в 1792 году основал в Петербурге первый механический завод. На этом заводе до 1825 года было изготовлено 140 паровых машин, в том числе паровые машины (и токарные станки) для тульских оружейных заводов. Русское горное ведомство и горнозаводчики приложили немало усилий, чтобы постоянно получать сведения о новых конструкциях машин; для этой цели в Англию и в другие европейские страны регулярно отправляли способных инженеров. Англичане хранили в тайне чертежи машин, тем не менее в 1821 году гениальный механик Е. А. Черепанов, вернувшись из поездки в Англию, составил список из десяти аппаратов, которые он мог восстановить, не имея чертежей, по внешнему виду — в числе этих аппаратов была паровая машина и токарный станок. В 1834 году Е. А. Черепанов вместе с сыном построили первый русский паровоз²⁰.

С момента появления первых европейских железных дорог отношение к ним в России было неоднозначным. В 1830-х годах существовала придворная партия, скептически относившаяся к западным техническим новшествам. Министр финансов Е. Ф. Канкрин и главноуправляющий путей сообщения граф К. Ф. Толь утверждали, что строительство дорог обойдется слишком дорого и может привести к «уравнению сословий», поскольку сделает население «более подвижным». Учитывая военно-стратегические потребности, Николай I принял решение о постройке линии между Петербургом и Москвой, но, уступая консерваторам, отказался от строительства других дорог. Поскольку царь исходил из примата ведущей роли государства в регулировании экономики, то строительство Николаевской линии велось на государственные деньги. Консерватизм и недостаток государственных средств привели к тому, что масштабы строительства дорог в России были намного меньше, чем на Западе. В 1850 году Россия имела лишь 381 км железных дорог, в то время как Англия — более 10 тыс. километров²¹.

Запрет на вывоз английских машин задержал промышленную революцию на континенте, и по оценке Дж. Голдстоуна, в середине XIX века Франция в развитии промышленности отставала от Англии на 30 лет, а Германия — на 40 лет. До отмены запрета в 1842 году машинное хлопкопрядение помимо Англии в значительных масшта-

бах существовало только во Франции; в остальных европейских странах предприниматели использовали в основном дешевую английскую пряжу, которой они снабжали местных ручных ткачей. После 1842 года на континенте начался бум строительства хлопчатобумажных фабрик, причем большую роль играли английские фабриканты, которые предоставляли капиталы, машины и инженеров. В Англии к этому времени образовались значительные избыточные капиталы, которые искали своего применения; с другой стороны, англичан привлекали дешевизна рабочей силы и широкие возможности для сбыта продукции на континентальных рынках. Англичане строили не только фабрики, но и железные дороги: большинство железных дорог в тот период строилось английскими инженерами; все оборудование, паровозы и рельсы ввозились из Англии. Ввозился и капитал, в 1848 году одна треть капитала французских железнодорожных линий принадлежала англичанам²².

В середине XIX века уровень модернизации стран Европы сравнительно с Англией был еще невысок. В 1850 году на хлопкопрядильных фабриках Англии имелось 21 млн. веретен, на фабриках Франции — 4,6 млн. веретен, в Австрии — 1,4 млн., в России — 1,1 млн., в Германии — 0,75 млн. Еще большим был разрыв в использовании паровых двигателей: в Англии на душу населения приходилось 33,3 л. с., во Франции — 2,6 л. с. В то время как в Англии в сельском хозяйстве было занято лишь 22% населения, во Франции и Германии — более 60%; континентальные страны еще оставались по преимуществу традиционными аграрными обществами²³. Тем не менее техническая модернизация и развитие промышленности постепенно приводили к изменениям в социальной структуре в том же направлении, что и в Англии. Прежде всего, расширилась и приобрела большую финансовую мощь торгово-промышленная буржуазия. Богатства буржуазии позволили ей претендовать на власть, и она начала наступление на монархию, требуя права на участие в управлении. Значительно вырос класс наемных рабочих, вскоре заявивший о своих интересах. Наконец, появилась интеллигенция — образованный средний класс, непосредственно связанный с распространением новой техники и новых знаний, и так же требовавший права на участие в управлении.

С одной стороны, эти социальные изменения были неизбежным следствием распространения английской техники и промышленной революции, но с другой стороны, они постоянно подпитывались диффузионным процессом, не ограничивавшимся областью техники и распространившимся на социальную сферу. Буржуазия стремилась к власти не только потому, что она стала богатой и сильной,

но и потому, что ее побуждал к этому пример Англии. К тому же интересы английских капиталистов, вкладывавших свои средства на континенте, переплетались с интересами местных предпринимателей, и Англия зачастую оказывала прямую поддержку буржуазным партиям в других странах. Аналогично интеллигенция во многих странах (в том числе и в России) боролась за участие в управлении не только потому, что она многократно численно возросла, но и потому, что ее воодушевляли успехи английских радикалов — и английские радикалы (а иногда и правительство) оказывали ей определенную помощь.

Необходимо, однако, отметить, что процессы диффузии на Европейском континенте имели мирный характер: Англия, несмотря на промышленное могущество, не обладала достаточной военной силой, чтобы навязать свою волю и свою социальную систему европейским монархиям. Процесс диффузии в социальной сфере первоначально проявлялся в появлении политических группировок, борющихся за установление конституционного строя по английскому образцу. В 1820-х во Франции сформировалась политическое объединение, члены которого называли себя «либералами» (это имя затем приняли и английские виги). Эта партия состояла преимущественно из богатых буржуа; она требовала предоставления гарантий политических свобод в рамках конституционной монархии, причем избирательные права должны были принадлежать (как в торийской Англии) узкому кругу богатых собственников. Один из лидеров либералов, известный историк Ф. Гизо, использовал свою кафедру в Сорбонне для пропаганды английского государственного строя и английской «славной революции» 1688 года²⁴.

Во Франции имелась и другая политическая группа, члены которой называли себя «независимыми». «Независимые» требовали широких избирательных прав и были близки по духу английским радикалам. Как отмечает Э. Хобсбаум, распространение радикальных движений на континенте (как и в Англии) было связано с ростом образованного класса, который не мог найти приложения своим силам в рамках «старого режима»²⁵. Помимо радикалов во Франции существовали и социалисты; социалистическое учение Ш. Фурье появилось немногим позже учения Р. Оуэна и в некоторых отношениях представляло собой его развитие: коммуны Ш. Фурье (которые он называл «ассоциациями») были устроены сложнее, чем коммуны Р. Оуэна, и в них предполагалось вознаграждение в зависимости от вложенного капитала.

В России также появилась партия либералов-«западников», которая требовала введения гражданских свобод, независимого суда,

представительного правления и местного самоуправления. Либералы выступали за отмену крепостного права — но на условиях, не ущемляющих имущественные интересы дворянства. Выразителями интересов этой фракции на страницах печати были известные университетские профессора К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин. К. Д. Кавелин не скрывал, что он исходит из признания «необходимого неравенства людей», и утверждал, что «значение и влияние должны принадлежать не толпе, а образованнейшему и зажиточному сословию»²⁶.

Либеральные группы конституционалистов существовали также в Испании и Италии, причем в Италии они приняли типичный для этой страны характер тайных союзов. Самым влиятельным из этих союзов было общество карбонариев; оно представляло собой иерархическую систему строго законспирированных ячеек, «вент». Карбонарии распространили свою сеть на армию и сделали ставку на военное восстание. В 1820 году либералы подняли военные восстания в Испании и Италии, но потерпели поражение в результате интервенции держав, входивших в «Священный союз». Англия пыталась противодействовать этой интервенции, и, не добившись успеха, вышла из «Священного союза»²⁷.

После революций 1820 года общество карбонариев по итальянскому образцу было создано и во Франции, однако мятежи французских карбонариев были неудачны, и общество распалось на несколько тайных союзов. Когда в 1830 году король Карл X предпринял попытку абсолютистского переворота, тайные союзы возглавили восстание в Париже; рабочие и ремесленники, страдавшие от экономического кризиса, поддержали восставших, а многие офицеры, недовольные уменьшением жалования, перешли на сторону народа. В результате победы революции 1830 года была принята новая конституция, расширившая права Законодательного собрания; по этой конституции контингент избирателей, хотя и увеличился, но составлял лишь 2,2% от взрослого мужского населения. Таким образом, программа либералов была отчасти реализована, и политическая система Франции приблизилась к политической системе торийской Англии. «Независимые» радикалы, однако, не были удовлетворены результатами революции, и их тайные общества продолжали инициировать восстания²⁸.

Одним из знаменитых вождей тайных обществ 1830-х годов был Огюст Бланки. Бланки заимствовал у карбонариев сопровождаемые страшными клятвами ритуалы посвящения, раздельное существование «вент», состоящих из 10 человек, из которых только руководитель был связан с вышестоящей «вентой», и так далее. Основанное

Бланки «Общество времен года» вербовало членов среди озлобленных парижских безработных и ставило своей целью уничтожение «всякой аристократии». Главная идея Бланки состояла в том, чтобы с помощью небольшого, но хорошо организованного и подчиненного железной дисциплине тайного общества начать восстание — а затем к нему, само собой, присоединятся толпы голодающих парижских бедняков. Сигналом к восстанию должно было стать убийство короля Луи-Филиппа, и в июле 1835 года бланкисты совершили покушение на короля с помощью «адской машины» из нескольких десятков ружей; было убито и ранено сорок человек, но король уцелел, и выступление было отложено. В мае 1839 году шестьсот бойцов «Общества времен года» внезапно захватили парижскую ратушу; они бегали по окружающим улицам и призывали парижан присоединиться к восстанию, но не встретили той поддержки, на которую надеялись. Восстание было подавлено, однако тактическая идея Бланки — создание тайного общества, инициирующего восстание террористическими методами, была взята на вооружение многими революционерами. В политическом отношении бланкисты причисляли себя к коммунистам, но их программа была довольно расплывчатой. После победы революции они собирались установить «диктатуру Парижа», упразднить Национальное собрание, запретить буржуазную печать и некоторое время в целях «воспитания народа» править авторитарными методами²⁹.

Одним из новых факторов социальных отношений первой половины XIX века был подъем национальных движений. Как полагает Э. Хобсбаум, национализм был следствием численного роста образованных элит. В прошлом малочисленные элиты владели международными языками, такими, как латынь и французский; с ростом элит появилась литература на национальных языках, и эти языки стали использоваться в университетах, в администрации, в судах и т. д. Этнический маркер разделил образованную элиту многонациональных монархий на национальные группы, и по мере обострения внутриэлитной конкуренции национализм стал одним из ее проявлений³⁰.

В XIX веке националисты были союзниками либералов и радикалов в борьбе с абсолютизмом. Оформившийся союз отразился в понятии «национально-освободительная борьба», которое включало в себя борьбу не только за национальное освобождение, но и за политические свободы. В качестве примеров либеральных теорий прав наций исследователи приводят идеи И. Г. Гердера, Дж. С. Милля, В. С. Соловьева, В. Вильсона, Т. Г. Масарика; в этом ряду особое место занимает Джузеппе Мадзини, бывший не только теоретиком,

но и практиком национально-освободительной борьбы³¹. Идеи и деятельность Дж. Мадзини иллюстрируют конкретный механизм действия диффузионного фактора; они раскрывают механизм революционного процесса, который имел международный характер и происходил не только в странах Западной Европы, но и в России.

С точки зрения идеологической преемственности, Дж. Мадзини был наследником карбонариев 1820-х годов; в молодости он был членом одной из карбонарских «вент». Программа карбонариев была сочетанием национализма и диффузионных либеральных идей, она ничего не обещала народу и не обращалась к нему за поддержкой. Дж. Мадзини научился у карбонариев искусству конспирации, умению организовывать «пятерки» и налаживать между ними связь с помощью шифров и симпатических чернил. Однако вскоре он понял, что заговоры в узком кругу революционеров обречены на провал, и для успеха борьбы надо привлечь к ней народ. Обстановка порожденных Сжатием малоземелья и нищеты итальянских крестьян внушала Дж. Мадзини уверенность, что народ всегда готов к восстанию, что ему не хватает лишь вождей. Таким образом, родилась теория «революционной инициативы» (или «хождения в народ»): образованная молодежь, прежние заговорщики-карбонарии должны были идти в народ и поднимать его на борьбу. «Почему... не идете, неся огненный крест (символ восстания — *С. Н.*) из местности в местность, из деревни в деревню? Идите к простолюдинам, поднимайтесь в горы, присутствуйте при трапезе земледельца, посещайте мастерские ремесленников», — призывал Дж. Мадзини³².

Чтобы поднять народ на борьбу, молодежь должна была обещать простолюдинам равноправие сословий и всеобщее избирательное право³³. Но Дж. Мадзини не обещал народу хлеб и землю. «Начало ее движения было непосредственное... — писал В. Г. Белинский о революционной буржуазии, — тогда она не отделяла своих интересов от интересов народа... ее ошибка была в том, что она подумала, что народ с правами может быть сыт и без хлеба»³⁴. В 1831 году Дж. Мадзини создал из итальянских эмигрантов во Франции и Швейцарии организацию «Молодая Италия». Идея «революционной инициативы» завоевала популярность, и в 1834 году была создана «Молодая Европа», включавшая «Молодую Францию», «Молодую Германию», «Молодую Польшу» (в 1840-х годах появилась и «Молодая Венгрия», а в конце XIX века — «Молодая Босния», «Молодая Турция» и т. д.). Большую роль в революционной агитации играли личные качества Дж. Мадзини — он олицетворял образ вождя, пламенного революционера. «Когда он впервые появился в Марселе, — вспоминал

один из сподвижников Дж. Мадзини, — с лицом бледным, аскетичным, но точно озаренным божьим светом, он увлекал своей вдохновенной речью, своим неотразимым энтузиазмом тех, кто его окружал». «Он тем более опасен, — говорилось в донесении полиции, — что неподкупен, фанатичен, готов на любую жертву»³⁵. Этот образ позднее был воспроизведен в «Катехизисе революционера» С. Г. Нечаева и в романе Э. Л. Войнич «Овод»; он вдохновлял многих — в том числе и русских — революционеров.

После неудачи первого организованного им восстания Дж. Мадзини в 1837 году приехал в Лондон и при поддержке английских радикалов создал здесь базу для подготовки новых выступлений. В этот период своей деятельности итальянский революционер познакомился с идеями Р. Оуэна и Ш. Фурье о производственных ассоциациях и включил их в свою социальную программу; он писал также о необходимости введения прогрессивного налога и об ограничении права наследования. Однако главного требования крестьян — конфискации и раздела помещичьих земель — в программе Дж. Мадзини не было; он не мог идти на разрыв с либералами, имевшими сильные позиции в освободительном движении³⁶.

В период лондонской эмиграции Дж. Мадзини освоил новый метод революционной борьбы: руководство из заграничного центра посредством тайной шифрованной переписки, а так же ведение пропаганды в Италии с помощью издаваемого в заграничном центре журнала, который тайно доставлялся на полуостров. Таким образом, Дж. Мадзини первым *создал инфраструктуру политической «революции извне», основанную на массовой печатной пропаганде, которая стала возможной после создания мощных печатных машин*. Используя эти методы, в 1843–1844 годах Дж. Мадзини организовал три восстания в Италии, но все они закончились неудачно. Поднявшим красный флаг группам заговорщиков не удавалось увлечь за собой народ; их лозунги были непонятны для крестьян, думавших главным образом о земле. Между тем в Италии получило распространение умеренно-либеральное движение, его лозунгами были борьба с Австрией, объединение Италии и конституционная монархия с ограниченным представительством высших классов³⁷.

В 1846 году начался экономический спад, вызванный чередой неурожая; в 1847 году во многих городах Италии прокатилась волна голодных бунтов и демонстраций. Эти события совпали с активизацией английской политики, Англия стремилась вытеснить из Италии австрийцев и — под лозунгом свободы торговли — захватить итальянский рынок. В сентябре 1847 года Пальмерстон отправил в Италию

миссию лорда Минто, который, опираясь на военно-дипломатическую поддержку курсировавшего вдоль итальянских берегов английского флота, побуждал итальянские правительства пойти по пути либеральных реформ. Не без влияния со стороны миссии Минто в начале 1848 года в Палермо началось восстание сицилийских сепаратистов; в обстановке голода оно было поддержано населением, и неаполитанский король Фердинанд II был вынужден принять конституцию по образцу французской конституции 1830 года. Это вызвало цепную реакцию, под давлением народных манифестаций (и английской агитации) монархи северной Италии были вынуждены принять конституции, а затем объявить войну Австрии. Так начались европейские революции 1848 года³⁸.

5.3. ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

Диффузионное влияние Англии было одним из главных факторов, обусловивших волну европейских революций 1848 года. Странники теории модернизации рассматривают революции 1848 года как важнейший этап модернизации — начало периода, когда власть в странах континентальной Европы переходит к «модернизаторскому руководству»³⁹.

Влияние технической модернизации сказывалось, в частности, в появлении промышленного пролетариата — нового класса, сыгравшего большую роль в революции, охватившей в первую очередь промышленные столичные города. В конкретной ситуации 1848 года большое значение имел процесс разорения ручных ткачей, вызванный созданием в 1820-х годах усовершенствованного ткацкого станка. Именно разорение ткачей привело к лионским восстаниям 1830-х годов, к восстанию 1844 года в Силезии и к волнениям в Берлине и Праге⁴⁰.

Фактор диффузии (помимо своего влияния на развитие промышленности) проявлялся, прежде всего, в той роли, которую сыграли в революционном кризисе либеральные и радикальные группировки. Как отмечает Э. Хобсбаум, все революции 1848 года «имели что-то общее». По Хобсбауму, это общее заключалось в том, что революцию начинали либералы и радикалы, увлекавшие за собой рабочих. Этот союз быстро добивался успеха, и весной 1848 года почти все монархи Европы были вынуждены даровать своим подданным конституции. Достигнув своих целей, либералы переходили от союза с радикалами и рабочими к союзу с консервативными монархичес-

кими силами, создавая «партию порядка». Но рабочие были не удовлетворены достигнутым, им нужна была не конституция, а «право на труд» и высокая зарплата, и они продолжали свое наступление, грозившее превратиться в «социальную революцию». Это привело к столкновению с «партией порядка», и рабочие терпели поражение. Когда опасность со стороны низших классов уменьшалась, «партия порядка» распалась, консерваторы собирались с силами, разгоняли либеральные парламенты и отнимали у либералов большую часть конституционных гарантий. В итоге монархия возвращалась к власти — но в обновленном и реформированном виде⁴¹.

Как мы увидим далее, эта общая схема реализовалась и в русской революции 1905 года, поэтому представляет интерес вкратце описать, какое воплощение она получила в европейских странах. Необходимо, однако, отметить, что как в европейских революциях 1848 года, так и в русской революции 1905 года, диффузионный фактор действовал вместе с демографическим фактором. Анализ европейских революций 1848 года с позиций демографически-структурной теории был дан Дж. Голдстоуном⁴². Акцентируя роль демографического фактора, Дж. Голдстоун указывает, прежде всего, на рост населения, которое увеличилось во Франции в 1800–1851 годах на 31%, а в Германии в 1815–1845 годах на 40%. Сельскохозяйственное производство повсюду (кроме восточной Германии) росло медленнее, чем население, что нашло свое выражение в постепенном росте цен и уменьшении реальной заработной платы. Рост населения привел к измельчанию крестьянских наделов и уходу крестьян в города, где они пытались заработать на жизнь ремеслом или работой по найму. Численность городского населения во Франции увеличилась вдвое, а его доля возросла с 9,5 до 14,5%. Хотя промышленное производство росло, индустриализация еще только начиналась, и к примеру, в Германии фабричные рабочие составляли только несколько процентов от всех работников, поэтому фабрики не могли обеспечить излишнее население работой⁴³.

Чрезвычайно важно, отмечает Дж. Голдстоун, что в условиях напряженной продовольственной ситуации в Европе (как и в России) неурожайные годы приводили к значительным колебаниям цен и реальной заработной платы. Во Франции фазы падения заработной платы приходились на 1828–1832 и 1845–1848 года, и эти периоды голода и нищеты были важными экономическими предпосылками революций 1830 и 1848 годов⁴⁴.

С другой стороны, численный рост элиты привел к увеличению числа претендентов на чиновные и другие доходные места. Число

учащихся лицеев во Франции в 1816–1848 годах увеличилось в 3 раза, в такой же степени возросло число студентов германских университетов. Администрация, армия, суды не могли дать работу массе новых выпускников. Во Франции в 1820-х годах жалование офицеров было сокращено вдвое. Уменьшение жалования и недостаток доходных мест вызывали массовое недовольство средних классов общества, прежде всего молодежи. Это недовольство было питательной средой для либеральных и радикальных группировок⁴⁵.

Начало французской революции характерно с точки зрения методов, которые использовали революционеры для возбуждения масс (эти методы использовались и в начале русской революции). В первые месяцы 1848 года радикалы развернули так называемую «банкетную кампанию», в ходе которой устраивались якобы «частные» банкеты с сотнями и тысячами участников, на которых подписывались петиции с требованием расширения избирательных прав. Когда назначенный на 22 февраля банкет был запрещен, начались демонстрации; толпа, подошедшая к резиденции главы правительства (а им был лидер либералов Ф. Гизо), была остановлена солдатами; внезапно из толпы стали стрелять в солдат, те ответили залпом — было убито более 20 человек. Демонстранты погрузили тела убитых на телеги и двинулись по парижским бульварам, крича, что расстреливают народ. Во Франции свирепствовал кризис, и в Париже было множество голодающих безработных; народ стал строить баррикады. Войска, направленные на подавление бунта, вследствие неудачных распоряжений вошли в соприкосновение с толпой, были сразу же разогнаны и многие батальоны перешли на сторону народа. Вооруженные инсургенты двинулись к Тюильри, и король был вынужден бежать⁴⁶.

Восставший народ ворвался в здание Национального собрания, большинство депутатов разбежались, но радикалы остались и, приветствуемые народом, сформировали временное правительство. Временное правительство провозгласило Францию республикой и объявило о созыве Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. Рабочий день в Париже был ограничен 10 часами (11 часами в провинции), было объявлено «право на труд», и, в духе социалистической программы создания ассоциаций, были основаны национальные мастерские. Количество рабочих в этих мастерских уже в мае достигло 100 тыс., и для их содержания пришлось увеличить прямые налоги на 45%; это вызвало негативную реакцию крестьян. Учредительное собрание, избранное в основном голосами крестьян, было настроено враждебно к парижским рабочим, 21 июня

оно объявило о закрытии национальных мастерских. Рабочие восстали, но восстание было подавлено армией⁴⁷.

После подавления восстания республиканское правительство провело новый избирательный закон, введивший ценз оседлости и лишивший голоса 29% избирателей – в основном рабочих, которые в поисках работы часто меняли место жительства. Сохранив высокие налоги и отказавшись ограничить ростовщичество, республиканцы вскоре лишились поддержки крестьян. Страдавшие от малоземелья крестьяне ничего не получили от революции; простой народ имел все основания воспринимать республику как власть богачей – это породило стремление вернуться к пекущейся о благе народа монархии. Воплощением этой «наполеоновской легенды» стал племянник императора Наполеона I, Луи-Наполеон. 10 декабря 1848 года состоялись президентские выборы, и крестьяне шли к избирательным урнам, восклицая: «Долой налоги, долой богачей, долой республику, да здравствует император!»⁴⁸ Таким образом, в контексте диффузионистской теории восстановления Империи было тесно связано с традиционалистской реакцией на распространение англо-голландского культурного круга, на экспансию либерализма и частнособственнических отношений.

Французский политический кризис 1848 года имеет некоторые общие черты с английским «чартистским» кризисом: в обоих случаях радикалы и социалисты выступали против уже находившихся у власти либералов. В отстававшей на пути модернизации Центральной Европе у власти находились абсолютные монархи, и революция, происходившая в Пруссии, имеет больше общего с русской революцией 1905 года.

В Пруссии с 1830-х годов существовали как либеральные, так и радикальные политические группы. Либералы объединяли часть помещиков-юнкеров и предпринимателей; они имели большинство в местных ландтагах, и их лозунгом было создание общепрусского Соединенного ландтага с последующим принятием конституции. Англия и международный капитал оказывали либералам прямую поддержку: когда король Фридрих-Вильгельм IV обратился к Ротшильдам с просьбой о предоставлении займа, они обусловили свое согласие созывом представительного собрания. В 1847 году в условиях экономического кризиса, голода и надвигающегося банкротства король принял эти требования и объявил о созыве в следующем году Соединенного ландтага, который должен был вотировать займы и новые налоги. Ландтаг еще не успел собраться, когда пришли известия о революции во Франции, и в Берлине начались многотысячные митинги, на кото-

рых радикалы призывали голодающих рабочих к составлению петиции с требованиями политических свобод. 13–15 марта 1848 года имели место несколько столкновений демонстрантов с полицией и войсками. 17 марта, после получения известий о революции в Вене, на собраниях горожан было принято решение на следующий день идти толпой к дворцу и предать королю петицию с требованием свободы печати, ускорения созыва ландтага и удаления войск. Однако король пошел на уступки и подписал указ о свободе печати и скорейшем созыве ландтага — поэтому запланированное шествие превратилось в верноподданническую манифестацию. В разгар манифестации группа демонстрантов подняла черно-белое знамя оппозиции, начались беспорядки и охранявшие дворец солдаты открыли огонь по толпе. Народ отхлынул на соседние улицы и начал строить баррикады; бои продолжались два дня. В конце концов 19 марта король приказал вывести войска из Берлина и вышел к народу, обнажив голову перед принесенными на площадь телами убитых революционеров⁴⁹.

Непосредственный свидетель событий, известный историк Леопольд фон Ранке, в докладной записке королю доказывал, что революция была вызвана главным образом «Invasion» — «нашествием» чужеземных идей, то есть широчайшим распространением в 1840-х годах английских и французских либеральных теорий⁵⁰.

29 марта король Фридрих-Вильгельм IV пригласил возглавить правительство двух либеральных лидеров — Л. Кампгаузена и Д. Ганземана. В противовес королевской армии в Берлине была создана городская милиция из зажиточных бюргеров. 2 апреля собрался Соединенный ландтаг, который принял закон о проведении выборов в Учредительное собрание. 22 мая начало работу Учредительное собрание; примерно четверть депутатов собрания принадлежали к радикалам, треть — к монархистам, остальные — к либеральному центру. Собрание представило проект конституции, которая устанавливала равенство перед законом, политические свободы и уничтожала остатки феодализма, в том числе вотчинную полицию и вотчинный суд. По конституции, исполнительная власть принадлежала королю, который имел право созывать и распускать палаты. Выборы в нижнюю палату были всеобщими, но двухступенчатыми⁵¹.

Берлинские рабочие, считавшие себя победителями мартовских боев, не были удовлетворены результатами революции: они требовали от заводладельцев сокращения рабочего дня и повышения зарплаты. Большинство берлинских предпринимателей было вынуждено пойти на уступки, но дать работу всем безработным и пришедшим из деревни крестьянам было невозможно. В Берлине про-

должались демонстрации, 14 июня толпа рабочих овладела арсеналом, но восстание было подавлено городской милицией и вновь введенными в город войсками⁵².

Таким образом, раскол между рабочими и либералами привел к тому, что либералы стали искать союза с монархической партией. Тем временем дворянская монархическая партия консолидировалась, в августе в Берлине состоялся съезд монархических союзов, провозгласивший своей задачей не соглашение с либералами, а роспуск Собрания. Оценив изменения в расстановке сил, король 11 сентября отправил в отставку либеральное правительство. 1 ноября министром внутренних дел нового правительства был назначен Отто фон Мантейфель — один из видных чиновников-бюрократов, ставший фактическим руководителем королевской политики. 10 ноября Фридрих Вильгельм IV приказал Учредительному собранию перенести свои заседания из Берлина в Бранденбург; собрание отказалось подчиниться и было разогнано войсками. Бюргерская милиция не осмелилась оказать сопротивление, а депутаты ограничились призывом к «пассивному сопротивлению» властям, к отказу от уплаты налогов и поставки рекрутов⁵³.

При роспуске Учредительного собрания было заявлено, что оно выполнило свою миссию, создание конституции, и эта конституция теперь дарована королем народу. Однако О. Мантейфель произвел в конституции ряд изменений и, в частности, добавил особую (105-ю) статью, позволявшую правительству не только издавать в промежутке между сессиями палат новые законы, но и пересматривать отдельные статьи самой конституции. Было объявлено также о выборах в новое Законодательное собрание; эти выборы были проведены в соответствии с предусмотренной конституцией всеобщей подачей голосов и не дали правительству необходимого большинства. 27 апреля О. Мантейфель распустил второе собрание и заявил об изменении избирательного закона. По новому закону избиратели делились на три класса в зависимости от размера уплачиваемых налогов, и каждый класс избирал одинаковое число выборщиков, которые затем, объединившись, избирали депутатов. В первом классе оказалось 153 тыс. наиболее состоятельных избирателей, во втором классе — 409 тыс. менее состоятельных и в третьем классе — 2651 тыс. бедняков; таким образом, один голос избирателя первого класса приравнивался к 17 голосам избирателей третьего класса. Получив необходимое большинство в палатах, О. Мантейфель в январе 1850 года провел через Собрание новую конституцию, по которой правительство было ответственно только перед королем, а финансовые права палат были

ограничены утверждением новых налогов (то есть правительство получало право повторять бюджет предыдущего года). Таким образом, король вернул большую часть своей абсолютной власти⁵⁴.

Одной из важнейших реформ О. Мантейфеля стал аграрный закон, принятый 2 марта 1850 года. Революция ничего не дала крестьянам, и решение аграрной проблемы взяла на себя монархия. Как отмечалось выше, крестьяне в Пруссии были освобождены в 1807 году, но земля осталась в собственности помещиков и за пользование ею крестьяне несли повинности и платили ренту⁵⁵. Новый закон безвозмездно отменял часть крестьянских повинностей, но основная рента для всех крестьян подлежала выкупу, который производился следующим образом: сначала все повинности по определенным нормам переводились в ежегодную денежную ренту и крестьянину предоставлялось право выкупить эту ренту, заплатив ее 18-кратную величину. До тех пор пока крестьянин не выкупит ренту, он должен платить ее, но не помещику, а в государственный рентный банк (таким образом, рента по существу превращалась в налог). Банк в свою очередь выдавал помещику рентное письмо (долговую расписку) на сумму, равную 20-кратной ренте; по этому письму каждый год платилось 4% от указанной суммы, как процент на вклад. По мере накопления средств банк выкупал эти рентные письма. Впоследствии подобная схема платежей была использована в русской реформе 1861 года⁵⁶.

В мотивировке аграрных законов содержались ссылки на теорию «всеобщего блага», и О. Мантейфель подчеркивал, что принятие аграрных законов продиктовано государственной необходимостью — то есть ссылался на принципы этатизма⁵⁷. Необходимо отметить, что во время революции в Австрии (4 марта 1849 года) император Франц Иосиф «даровал» крестьянам подобный закон о выкупе повинностей (правда, он следовал проекту рейхстага, но сделал закон более радикальным и постарался присвоить заслугу себе). Австрийский закон был более этатистским и более выгодным для крестьян, нежели прусский: по этому закону крестьяне уплачивали $\frac{2}{3}$ выкупной суммы, а остальное платило государство⁵⁸.

Таким образом, в соседних с Россией странах, Пруссии и Австрии, остатки крепостного права были отменены монархами, действовавшими из этатистских принципов. Как утверждает демографически-структурная теория, для фазы Сжатия характерны социальные реформы, направленные на облегчение положения народных масс, — и эти реформы обычно сопровождаются усилением этатистских тенденций. В то время как увлекаемые диффузионной волной либералы игнорировали нужды крестьянства, монархия шла на

встречу народу и пыталась регулировать общественные отношения, не допуская крайних проявлений социального неравенства. Конечно, пример соседних монархий не мог не оказать влияния на решение вопроса о крепостничестве в России.

В странах, где революционеры 1848 года уходили от решения аграрной проблемы, им пришлось столкнуться с противодействием со стороны крестьян. В Северной Италии местные крестьяне выступали на стороне австрийской монархии, которая обещала облегчить их положение. «Да здравствует Радецкий! — кричали крестьяне, приветствуя австрийского фельдмаршала. — Смерть хозяевам!»⁵⁹ В Риме одержавшие верх повстанцы изгнали папу и вручили власть Дж. Мадзини, однако знаменитый революционер оказался беспомощным перед лицом порожденной Сжатием аграрной проблемы. В провинции начались крестьянские бунты, а затем вторгнувшиеся французские и австрийские войска вернули власть папе. Революция в Италии была подавлена.

В итоге в странах Европы либеральные диффузионные революции натолкнулись на встречную этатистскую тенденцию и имели лишь ограниченный успех. В конечном счете на смену модернизации либеральной пришла бонапартистская, которая копировала технические достижения Англии, но старалась сохранить традиционную этатистскую монархию. Россия двинулась по этому пути несколько десятилетий спустя.

Таким образом, в революциях 1848 года инициатива принадлежала «вестернизированной» либеральной и радикальной интеллигенции. Теодор фон Лауэ, автор теории вестернизации⁶⁰, называл все революции XIX–XX веков «революциями вестернизации» или «революциями извне». Дело не только в том, что революции были вызваны «Invasion»: интеллигенция получала поддержку извне, она опиралась на эмигрантские центры, на печатную пропаганду, на финансирование движения внешними силами. Ввиду своей слабости интеллигенция искала союзников и использовала в своих целях социальные конфликты традиционного общества — прежде всего, конфликты, обусловленные перенаселением и Сжатием. Пытаясь поднять на борьбу народ, интеллигенция широко использовала приемы политической провокации: стрельбу из толпы по полиции и организацию чреватых кровавыми репрессиями шествий к дворцам правителей. Однако народные выступления носили ограниченный характер городских восстаний: европейское Сжатие было еще недостаточно сильным, чтобы поднять на борьбу крестьянские массы и придать революции характер полномасштабного экосоциального кризиса.

5.4. ДИФфуЗИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В 1850-Х ГОДАХ

После подавления революций 1848 года прибежищем бежавших революционеров стал Лондон. Английские радикалы создали для своих сотоварищей-эмигрантов «Центр связей друзей свободной мысли», где они могли получить как духовную, так и материальную поддержку. В 1853 году в Лондоне был организован «Центральный европейский комитет», который возглавили Дж. Мадзини, вождь венгерской революции Л. Кошут, бывший министр французской республики А. Ледрю-Роллен, глава немецких социалистов А. Руге и вождь польских повстанцев С. Ворцель. Все перечисленные лидеры были одновременно главами «национальных революционных комитетов», деятельность которых был призван координировать «центральный комитет». Создание этой интернациональной революционной организации скрытно финансировалось английской разведкой и английскими радикалами. На эти деньги издавались газеты «Вождь» и «Голос изгнанников», предназначенные для революционной пропаганды на континенте. Король Бельгии Леопольд жаловался своей племяннице королеве Виктории: «У вас в Лондоне что-то вроде зверинца — всякие Кошуты, Мадзини, Легранжи, Ледрю-Роллены, и так далее... которых периодически спускают на континент, чтобы там невозможно было достичь ни покоя, ни процветания...»⁶¹.

«Европейский комитет» представлял собой новый канал диффузионного влияния английской цивилизации на Европу; комитет пытался вновь раздуть затухающий огонь революции и организовал несколько восстаний, в том числе ломбардское восстание 1853 года. Однако отсутствие поддержки «революции извне» со стороны внутренних сил, прежде всего, со стороны крестьянства, заставляло революционеров искать пути решения аграрной проблемы. Ближайший сподвижник Дж. Мадзини Карло Пизакане в 1850 году написал книгу «О революции», в которой призывал национализировать землю и раздать ее для обработки крестьянским общинам-ассоциациям. К. Пизакане предлагал также обобществить все капиталы, фабрики, здания, машины, транспорт и организовать производство с помощью рабочих ассоциаций. Право наследования также следовало отменить, а государственные органы — упразднить, ассоциации должны были управляться сами собой. Некоторые современные исследователи считают, что доктрина К. Пизакане стала основой анархистского учения М. А. Бакунина, которое впоследствии широко распространилось по всему миру и оказало чрезвычайно важное влияние на становление русского народничества⁶².

В области революционной тактики К. Пизакане придерживался тех же идей, что и Дж. Мадзини: он считал, что нужно «идти в народ» и поднимать его на восстание. Дж. Берти называет К. Пизакане «героем-народником», для которого социализм являлся непосредственным слиянием интеллигенции с народом в ходе героической борьбы. В июле 1857 года К. Пизакане высадился с отрядом добровольцев на юге Италии; он пытался поднять крестьян на борьбу, но был окружен правительственными войсками и, тяжело раненый, покончил с собой⁶³.

Восстания были подавлены, и, разочаровавшись в теории «революционной инициативы», Дж. Мадзини перешел к террористической тактике. Осенью 1854 года агент «Европейского комитета» Феличе Орсини организовал в Милане «Союз смерти», который должен был подготовить покушения на Наполеона III, Франца Иосифа и короля Пьемонта Карла Альберта. Характерно, что эти покушения (как и другая деятельность Дж. Мадзини) финансировались одним из руководителей британской разведки Джеймсом Стэнсфелдом. 14 января 1858 года возглавляемая Ф. Орсини группа террористов забросала бомбами кортеж Наполеона III на площади у Парижской оперы. Было убито и ранено около двухсот человек, но император не пострадал. Это было первое в истории террора применение бомб, и акция произвела колоссальное впечатление на мировую общественность. Враждебная Наполеону III либеральная пресса объявила террористов героями; все газеты печатали их речи в зале суда, и, пользуясь этим, Ф. Орсини не защищался, а обвинял и предъявлял свои требования⁶⁴. А. И. Герцен писал после казни Ф. Орсини: «Смерть Пизакане и смерть Орсини были два страшных удара в душную ночь. Романская Европа вздрогнула...»⁶⁵ В конечном счете император Наполеон III не выдержал морального давления и пошел на уступки: он отказался от политики сдерживания итальянского освободительного движения и вместе с Пьемонтом начал войну за освобождение Италии от австрийцев. Воспользовавшись национальным подъемом, Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди осуществили высадку отряда добровольцев в Сицилии — и на этот раз им действительно удалось поднять революцию, закончившуюся объединением Италии. Несомненно, эта победа была во многом результатом революционной деятельности, направляемой извне Дж. Мадзини и «Европейским комитетом». Но крестьяне в своей массе так и не получили землю; Дж. Гарибальди ограничился разделом между арендаторами государственных земель и быстро распустил крестьянские отряды⁶⁶.

«Европейский комитет» пытался распространить свою деятельность также и на Россию. Дж. Мадзини предлагал А. И. Герцену войти в состав руководителей комитета и взять на себя организацию революционной деятельности в России — однако Герцен отказался, объяснив, что за ним не стоит никакой революционной организации. В то время Герцен был эмигрантом-одиночкой, одним из участников дискуссий в «Центре связей». По своим идейным взглядам Герцен был радикалом и сторонником учения Сен-Симона. Еще до отъезда за границу, в Москве Герцен познакомился с прусским экономистом бароном Гакстгаузеном, который обратил его внимание на схожесть русской общины с теми коммунами-ассоциациями, которые пропагандируются европейскими социалистами. Эта мысль стала основой созданной Герценом концепции «русского социализма»: самоуправляемая, скрепленная совместным владением земель и духом коллективизма русская община есть та база, на которой может быть построено новое социалистическое общество. Поэтому главное, как полагал Герцен, — это освобождение общин из-под власти помещиков⁶⁷.

В Лондоне Герцен близко сошелся с членами «Европейского комитета», в том числе с Дж. Мадзини (которого он считал «величайшим политическим человеком»), а также с Р. Оуэном и с некоторыми видными радикалами. По примеру Дж. Мадзини Герцен пытался создать инфраструктуру «революции извне» и наладить в Лондоне выпуск пропагандистской литературы, которую доставляли бы в Россию по конспиративным каналам. В год начала Крымской войны Герцен открыл «Вольную русскую типографию» и стал выпускать листовки, призывающие крестьян не поставлять рекрутов и не платить налоги, а ополченцев — обращать оружие против царя. Листовки отправляли на театр военных действий, а также распространяли среди русских пленных; эта деятельность Герцена, несомненно, осуществлялась при поддержке английского правительства. Известно, что некоторые члены правительства и парламентарии оказывали содействие Герцену, в частности, в организации доставки его печатной продукции в Россию⁶⁸.

Крымская война была первым военным столкновением России с новой промышленной цивилизацией Запада. В глазах новой Европы Россия представляла собой оплот старого мира; она считалась мощнейшим государством континента: миллионная русская армия превосходила объединенные армии ее соседей. Техническое превосходство Англии и Франции долгое время не находило должного отражения в военной сфере, и в Европе сохранялся миф о могуществе России.

Однако в середине XIX века — незадолго до начала войны — положение резко изменилось: промышленная цивилизация достигла решающего превосходства в военной технике. На морях появились линейные корабли-пароходы, намного превосходившие своими боевыми качествами парусные суда. Усовершенствование металлургического процесса позволило получать ствольную сталь и в массовых масштабах наладить производство нарезных ружей (штуцеров). Новые штуцеры стреляли расширяющейся пулей Минье, благодаря чему их было легко заряжать и их скорострельность не уступала скорострельности гладкоствольных ружей. В 1853 году на вооружение английской армии был принят капсульный штуцер «Энфилд» с прицельной дальностью 1300 шагов; большое количество штуцеров имелось и во французской армии. Между тем вооружение русских войск оставалось практически таким же, что и во времена Наполеона; гладкоствольные ружья русских солдат стреляли лишь на 350 шагов⁶⁹. Страны, запаздывавшие с модернизацией, оказались перед лицом превосходящей военной мощи; новая промышленная цивилизация готовилась перейти к широкомасштабной военной экспансии. Как это уже бывало не раз, военно-технические достижения должны были вызвать *волну завоеваний*.

5.5. КРЫМСКАЯ ВОЙНА И ПЕРВЫЕ РЕФОРМЫ

В сентябре 1854 года англо-французские войска высадились в Крыму и вскоре встретились с русской армией в сражении на реке Альме. Пехота союзников издали расстреливала русских солдат, и, несмотря на отчаянные штыковые атаки, сражение закончилось поражением русских войск. «Грозная атака наших батальонов, — вспоминал участник битвы, — эта стальная движущаяся масса храбрецов... каждый раз была неожиданно встречаема убийственным батальным огнем...»⁷⁰ Русский парусный флот не мог даже вступить в сражение с паровыми кораблями противника и был затоплен в севастопольской бухте. Эти два события как громом поразили русское общество: факт технической отсталости предстал во всей наготе. «Верный народ тебя призывает! — писал М. Н. Погодин Николаю I. — От безбрежной лестии отврати свое ухо и выслушай горькую правду... Освободи от излишнего стеснения печать... дай средства нам научиться лить такие же пушки, штуцеры и пули, какими бьют теперь враги наших милых детей... мы отстали во всех сознаниях...»⁷¹

Война является достаточно обычным проявлением исторического процесса, служа проверкой крепости связей в структуре «государство — элита —

народ», и согласно демографически-структурной теории, может вызвать брейкдаун. Представляется важным рассмотреть, каков мог быть механизм этого брейкдауна в российских условиях.

Во время Крымской войны Россия была спасена от полного разгрома тем обстоятельством, что война имела локальный характер — она велась ограниченными силами на ограниченном театре боевых действий. Тем не менее к началу 1856 года страна находилась в преддверии социально-экономического кризиса⁷². Как утверждалось в записке, составленной генералом Д. А. Милютиным для Государственного совета, промышленность была не в состоянии снабдить армию необходимым количеством военного снаряжения и боеприпасов. Из 1 млн. ружей, имевшихся в арсеналах к началу войны, в 1856 году осталось только 90 тыс.; еще хуже обстояло дело с порохом и снарядами. Таким образом, первая из порожденных войной проблем имела военно-промышленный характер: страна была не в состоянии обеспечить армию оружием. Это означало, что в случае продолжения войны полное поражение было неизбежным, а военное поражение было чревато утратой авторитета монархии и политическими потрясениями.

Вторая проблема была финансовая. В 1854–1855 годах на войну было истрачено 500 млн. руб. что было равно сумме трехлетнего дохода; в 1856 году дефицит бюджета достиг 300 млн. руб. Правительство финансировало войну, заимствуя средства из хранящихся в государственных банках частных капиталов, в результате внутренний долг вырос с 400 до 525 млн. рублей серебром, а внешний долг с 300 до 430 млн. рублей. Как отмечалось выше, средства, хранившиеся в государственных банках, принадлежали, в основном, дворянству, то есть государство обращалось к финансовой поддержке элиты. Это была ненадежная поддержка, средства банков в любой момент могли быть востребованы вкладчиками, и государственным банкам грозил крах (что и произошло после войны). Однако средств все равно не хватало, и *главным способом финансирования военных расходов была эмиссия бумажных денег.* Сумма кредитных билетов, находившихся в обращении возросла за 1853–1856 годы с 31 до 735 млн. руб. В результате этой эмиссии стал невозможен свободный обмен билетов на серебро и курс рубля упал до 75% номинала; цена ржи на Черномозье увеличилась почти в 2 раза, *в стране началась мощная инфляция, которая при продолжении военных действий грозила развалом экономики*⁷³.

Третья проблема – степень надежности армии. За время войны было призвано 800–900 тысяч рекрутов, примерно десятая часть взрослого мужского населения. Взятие крепостного в рекруты означало

его освобождение, и рекрутские наборы вызывали недовольство помещиков. Правительство пыталось решить проблему путем призыва крестьян в ополчение; ополченцы должны были после войны вернуться к своим помещикам. Но призыв в ополчение спровоцировал массовые крестьянские волнения: весной и летом 1854 года десятки тысяч крестьян самовольно двинулись на призывные пункты, требуя, чтобы их записали в ополчение или в казаки и дали свободу. В 10 губерниях произошли массовые беспорядки, для усмирения которых пришлось использовать войска. Весной и летом 1855 года такие же волнения имели место в 6 губерниях. В южных уездах крестьянское движение приняло иной характер: крестьяне, собираясь огромными толпами, двигались в Крым, где, по слухам, «англо-французы дали волю»⁷⁴. После окончания войны вернувшиеся домой ополченцы, так же как в 1815 году, отказывались повиноваться помещикам и «увлекали к тому крестьян». Массовые волнения происходили в нескольких губерниях, в Калужской губернии в августе 1856 года имело место восстание 726-й дружины ополченцев, воспротивившейся роспуску по домам и возвращению к помещикам⁷⁵. Война снова возбудила страх перед восстанием крестьян в тылу русской армии, страх взрыва «порохового погреба под государством». «При современном состоянии крепостного сословия, — писал Ю. Ф. Самарин, — ничтожный беспорядок может также легко перейти в бунт, а бунт развиться до всеобщего восстания»⁷⁶.

Таким образом, большая война ставила перед Россией тяжелые, почти неразрешимые проблемы. Первая проблема, недостаток вооружения, объяснялась техническим фактором. Но *две другие проблемы — инфляция и опасность восстания крестьян-ополченцев — были обусловлены Сжатием и предсказаны теорией: инфляция была следствием финансового кризиса, о котором мы говорили выше, а волнения или восстания крестьян-ополченцев были ожидаемым последствием крестьянского бесправия и малоземелья.* Эти две проблемы уже вставали во время войны 1812 года; они снова встали во весь рост во время Первой мировой войны — и как мы увидим, привели государство к катастрофе.

В конечном счете правительство признало бесперспективность продолжения войны и приняло требования союзников. Но стране не удалось избежать внутреннего кризиса: поражение нанесло тяжелый удар по престижу самодержавия, нарушило внутреннюю стабильность и придало силы оппозиционным группам — как либералам, так и радикалам. Утесняемые самодержавием либералы во время войны желали поражения правительства: «Война, — писал К. Н. Бестужев-Рюмин, — разделила... общество на две части: в круге либера-

турном большинство смотрело на наши неудачи как на зарю обновления»⁷⁷. Теперь либералы воспрянули духом. К. Д. Кавелин писал М. П. Погодину в 1856 году: «Здесь в Петербурге общественное мнение расправляет все более и более крылья. Нельзя и узнать более этого караван-сарая солдатизма, палок и невежества. Все говорит, все толкует вкось и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкует, и через это, разумеется, учится»⁷⁸. Славянофилы, наоборот, поддерживали правительство в войне и тяжело переживали поражение. Однако они также принимали участие в развернувшихся после войны дискуссиях. И. С. Аксаков, бывавший по делам службы в различных губерниях, отмечал, что провинция говорила не только об «эмансипации», но и о железных дорогах — то есть о необходимости технической и культурной модернизации⁷⁹. В 1855–1857 годах Б. Н. Чичерин, по согласованию с К. Д. Кавелиным, написал серию статей, в которой излагалась программа либералов: строительство железных дорог, разрешение учреждения акционерных компаний, уничтожение крепостного права, свобода слова, печати, введение открытого судопроизводства и т. д. Однако лидеры либералов определенно заявляли, что они не требуют конституции, что все свободы они хотели бы получить из рук монарха⁸⁰.

Внезапная смерть Николая I и воцарение нового императора усилили надежды на преобразования сверху. «В известных кружках, — писал Д. А. Милютин, — весть о кончине императора вызвала ликование, с бокалами в руках поздравляли друг друга с радостным событием»⁸¹. Перед Александром II стояла задача определения нового курса правительственной политики — и новый царь должен был прислушаться к пожеланиям общества.

Крымская война представляла собой удар волны завоеваний, столь же сильный, как тот, который был нанесен под Нарвой. В соответствии с теорией, государство, подвергнувшееся удару волны и стремящееся выжить, должно полностью или частично трансформироваться по образцу победоносного противника. В ходе этой трансформации сначала заимствуется оружие противника, затем — военная организация и военная промышленность. Это — необходимые первоочередные заимствования, без которых государство не сможет противостоять завоевателям. Затем круг заимствований расширяется, охватывая другие области социальной организации — глубина заимствований в этих областях может быть различной, она определяется силой того влияния, которое оказывает на государство победоносный противник, а так же соотношением консервативных и модернизационных сил.

Первым и самым поспешным шагом на пути новой волны модернизации было освоение производства западной военной техники — того самого штуцера, который обеспечил победу союзников в Крымской войне. Штуцеры имели стальные стволы, и освоение их производства в России потребовало значительных усилий. В 1856 году известный инженер П. М. Обухов наладил производство ствольной стали в Златоусте, и в 1856–1868 годах на российских заводах было произведено около 100 тыс. штуцеров. Этого количества было недостаточно для русской армии, и 50 тыс. штуцеров было закуплено за границей⁸². Это было лишь начало гонки вооружений, в которой Россия пыталась догнать Запад, — вся вторая половина XIX века прошла под знаком военного соревнования, и мы более подробно коснемся этой темы в следующей главе.

Другим аспектом проблемы модернизации было создание сети стратегических железных дорог. Николай II находился под влиянием традиционалистов и не понимал всей важности «железнодорожной революции». Война заставила спешно наверстывать упущенное. Беседуя с маршалом Канробером в Лионе в 1865 году, Александр II отмечал, что одной из главных причин поражения в Крымской войне была трудность снабжения русской армии из-за отсутствия хороших дорог⁸³. «Крымская война доказала, — писал позже министр финансов М. Х. Рейтерн, — что без железных дорог и механической промышленности Россия не могла считаться вне опасности в собственных границах»⁸⁴.

В вопросе о железных дорогах военные реформы соприкасались с экономическими и социальными. Обеспечив мобильность армии, железные дороги должны были вместе с тем открыть внутренние районы России для мировой торговли; они создавали возможность вывоза хлеба, леса и других российских продуктов и их обмена на необходимые стране товары, в первую очередь, на машины, станки, оружие. После Крымской войны средств для строительства дорог у государства не было, и приходилось обращаться к частной инициативе. Это был важный момент модернизации и важная уступка либералам: правительство сняло существовавшие ограничения и разрешило всем частным лицам создавать акционерные компании — а затем и банки. В 1841–1855 годах было учреждено лишь 36 акционерных обществ с капиталом 30 млн. руб.; после снятия ограничений началась «грюндерская лихорадка», и за 1856–1860 годы было учреждено 107 акционерных обществ с капиталом в 267 млн. руб., из них 178 млн. руб. было вложено в железнодорожные компании. В 1857 году было создано «Главное общество российских железных дорог», в роли

учредителей которого выступила группа французских, английских и голландских банкиров во главе с руководителем банка «Креди мобиле» И. Перейра. Главной целью общества было привлечение иностранных капиталов для строительства русских железных дорог. Поскольку иностранные инвесторы не были расположены рисковать, вкладывая свои деньги в России, то российское правительство гарантировало 5% доход по акциям и облигациям «Главного общества» — в случае убытков этот доход выплачивался из казны⁸⁵.

«Главное общество» должно было построить за десять лет четыре железнодорожные линии, в том числе две «вывозные» дороги, соединяющие Черноземье с портами на Балтийском и Черном морях, — всего 3900 верст железных путей. Однако «обществу» не удалось разместить свои акции за границей, почти все они были размещены в России, что привело к отливу средств из русских государственных банков. Между тем эти банки и так находились в тяжелом положении, поскольку их активы использовались государством для финансирования Крымской войны; они оказались неплатежеспособными, и это породило тяжелый финансовый кризис. Что же касается «Главного общества», то его учредители использовали собранный в России капитал не столько для закупок оборудования, сколько для спекуляций на иностранных биржах, в результате чего собранная валюта ушла из России. Капитал был истрачен, но построено было только 755 верст путей вместо предполагавшихся 3900. В октябре 1862 года новый главноуправляющий путями сообщения П. П. Мельников докладывал Александру II, что банкиры-учредители выехали из России с большими премиями, бросив дело неоконченным⁸⁶.

Тем не менее первый опыт массового строительства железных дорог показал, что Александр II твердо намерен идти по пути модернизации России.

5.6. ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Первые шаги модернизации были сделаны в военной, технической и экономической сфере; они не вызывали в обществе сомнений и споров. Следующий шаг состоял в распространении модернизации на социальную сферу: на повестку дня ставился вопрос о социальных реформах, о ликвидации крепостного права, о политических свободах и о конституции. В 1856 году были отменены ограничения на поездки за границу и поступление в университеты, была ослаблена цензура. Требовало ли промышленное и техническое развитие освобож-

дения крестьян? На этот счет высказывались различные мнения. П. Струве утверждал, что крепостничество несовместимо с железными дорогами, но А. Гершенкрон возражал, что эта несовместимость была далеко не абсолютной⁸⁷. При определенных условиях рабские плантации экономически достаточно эффективны; как показали А. Конрад и Дж. Мейер, американские плантации были частью капиталистической рыночной экономики, они обеспечивали относительно высокую производительность труда и давали хозяевам высокую прибыль⁸⁸. Более того, распространение рабских плантаций в южных штатах в значительной мере было следствием промышленной революции: во-первых, плантации стали высокоприбыльными благодаря созданию хлопкоочистительной машины Уитни, и во-вторых, они поставляли хлопок для английских фабрик⁸⁹.

Как отмечалось выше, прибыльными были и барщинные хозяйства русского Черноземья, а проведение железных дорог должно было открыть для их продукции европейский рынок и еще более увеличить рентабельность.

Однако имелся еще один канал влияния технического фактора: появление сети железных дорог и создание новой оружейной промышленности позволило вооружать, снабжать и перевозить огромные воинские контингенты; это давало возможность в случае войны мобилизовать в армию большую часть мужского населения. Всеобщая воинская повинность, в свое время позволившая Карно и Наполеону создать огромную французскую армию, была перенята в некоторых странах Европы, но не в России: она требовала отмены крепостного права. Крымская война вновь показала, что крепостные не могут быть мобилизованы без предварительного освобождения, поэтому сохранение крепостного права, как минимум, вдвое уменьшало людские ресурсы России. Как утверждает А. Рибер, это обстоятельство сыграло значительную роль в решении Александра II отменить крепостничество⁹⁰.

Как бы то ни было, помимо чисто технических соображений действовал *фактор диффузии*: удар завоевательной волны привел не просто к технической модернизации, но к модернизации российского общества по европейскому образцу, к *вестернизации*. Вестернизация однозначно означала освобождение крестьян, потому что в Европе уже не было крепостного права и потому что в глазах Запада (и русских западников) крепостное право было позором России. Эти настроения хорошо передал декабрист М. А. Фонвизин, племянник знаменитого драматурга, выражавший надежду, что подражание Европе приведет к отмене крепостного права. «Тогда мы много выиграем

во мнении европейцев, — писал М. А. Фонвизин, — потому что существование в России рабства... внушает им презрение к нам»⁹¹. Таким образом, едва ли не главную роль в отмене крепостного права играл фактор диффузии, действовавший в форме морального, идеологического давления.

Моральное давление Запада проявлялось и на дипломатическом поле. После окончания Крымской войны Наполеон III — новый союзник России — призвал русского императора освободить крестьян. Как видно из письма Александра II римскому папе, в Европе было распространено мнение, что реформы в России были вызваны «внушениями» Наполеона III и стремлением самодержавия повысить авторитет страны в глазах Европы⁹². Полицейские сообщения свидетельствуют, что слухи об этих советах дошли и до крестьян; по словам князя Кропоткина, «среди крестьян шел слух в то время, что Наполеон III при заключении мира потребовал от Александра II дать волю»⁹³.

Главной движущей силой реформы была партия либералов-западников. Вождем западников в окружении нового императора Александра II был великий князь Константин Николаевич, глава военно-морского ведомства и (как многие моряки) закоренелый англоман. Нужно сказать, что англомания великого князя имела веские причины: как раз в это время в Англии и Франции появились первые броненосцы, и копирование западных образцов было для русского флота вопросом жизни и смерти. Начиная с 1855 года, великий князь проводил в своем ведомстве «сепаратные» прозападные реформы: он не только строил новые корабли, он отменил цензуру, реформировал военно-морские суды и освободил принадлежащих адмиралтейству крестьян. «Морское министерство являет в русской администрации зрелище европейского оазиса в азиатской степи», — писал князь П. Долгоруков. По свидетельству П. Долгорукова, именно Константин Николаевич убедил брата приступить к освобождению крестьян⁹⁴. Великий князь создал свою «партию реформ» и выдвигал своих приверженцев («константиновцев») на высокие посты, в частности, М. Х. Рейтерн занял пост министра финансов⁹⁵.

Свобода личности была для либералов самодовлеющей ценностью, но чтобы убедить крепостников в необходимости реформ, требовались другие аргументы. Таким аргументом была угроза крестьянского восстания. «Если мы не произведем собственными руками мирной и полной революции — она неизбежно произойдет без нас и против нас», — говорил великий князь Константин, держа в руках книгу Токвиля о французской революции⁹⁶. Об этом же гово-

рил и Александр II в его первом обращении к московскому дворянству: «Мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мной: следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». На позицию царя оказало большое влияние мнение барона Гакстгаузена, известного эксперта и деятеля прусских реформ, написавшего книгу о России и представившего царю в июне 1857 года особый доклад. А. фон Гакстгаузен указывал, что в эпоху пара и электричества нет страны, которая могла бы предохранить себя от новых веяний, что правительство должно опережать события, «дабы события, опередив его... не вырвали от него уступок, которые повлекли бы к его падению». Прусский эксперт предупреждал царя, что Дж. Мадзини и английские радикалы возлагают большие надежды на социальную революцию в России, и что, как показывает опыт, предводители этой партии — не пустые мечтатели. «Гакстгаузен отгадал мое главное опасение, чтобы дело не началось само собой снизу», — писал царь⁹⁷.

В этих высказываниях суммирована аргументация сторонников реформ. Во-первых, это ссылка на неизбежность модернизации по западному образцу. Надо брать пример с Запада, потому что Запад продемонстрировал свое военное и культурное превосходство — таким образом формулировалось влияние *фактора диффузии*. Второй аргумент — это призрак крестьянского восстания: если правительство промедлит, то освобождение «неизбежно произойдет без нас и против нас»; так формулировалось действие *демографического фактора*. Совокупное воздействие этих факторов должно было привести к неизбежным переменам.

Однако аргументы царя, изложенные в марте 1856 года в Московском дворянском собрании, не убедили дворян. «Речь была громовым ударом для большинства публики», — писал товарищ министра внутренних дел А. И. Левшин о реакции на выступление Александра II. Характерно, что против освобождения крестьян выступала и церковь; московский митрополит Филарет писал, что он не может восхвалять эту царскую милость, поскольку она «ущемляет права законных владельцев»⁹⁸. Среди высшего дворянства в окружении императора, за немногими исключениями, не было сторонников реформ. «У меня нет никого, кто бы помог мне в этом важном деле», — говорил Александр II графу П. Д. Киселеву⁹⁹.

Можно было ожидать сильного сопротивления, поэтому правительство сформировало для подготовки реформы две редакционные комиссии; не без участия Константина Николаевича в ход высших сановников в эти комиссии были подобраны молодые

(средний возраст 39 лет) министерские чиновники, убежденные западники и либералы. Наиболее активными из них были племянник П. Д. Киселева Н. А. Милютин и ближайший сподвижник знаменитого министра А. П. Заблоцкий-Десятковский. Возглавлял комиссии адъютант и близкий друг Александра Я. И. Ростовцев; он умер незадолго до начала реформы и его последние слова были: «Государь, не бойтесь!»¹⁰⁰ О том, что государь действительно боялся, говорит то обстоятельство, что, начиная с декабря 1857 года, министр внутренних дел по требованию царя делал ему еженедельные доклады о настроениях дворянства и крестьянства, о «слухах» и «толках» на местах¹⁰¹.

Таким образом, на одной чаше весов была боязнь нового дворянского переворота, на другой стороне — страх перед крестьянским восстанием и стремление к модернизации по европейскому образцу¹⁰². Кроме того, имелся еще один аспект проблемы, связанный с существованием этатистской традиции, опиравшейся на петровскую теорию «всеобщего блага» и «регулярного государства». Как отмечалось выше, основа этой традиции была диффузионной, а в данный момент она подпитывалась немецким влиянием — и в частности, примером уничтожения остатков крепостничества в ходе относительно недавних реформ Франца Иосифа и Фридриха-Вильгельма IV. Решающим обстоятельством в успехе этатистских реформ было то, что — как в Пруссии, так и в России — дворянство уже не могло диктовать свою волю монархии, опиравшейся на чиновничество, воспитанное в этатистском духе.

Первые проекты реформы предполагали освобождение крестьян без земли по образцу прусской реформы 1807 года. В проекте, представленном в июле 1857 года министром внутренних дел С. С. Ланским, говорилось, что «при сохранении за крестьянами полного надела земли они не будут иметь надобности работать на помещиков и сии последние... останутся без рабочих рук»¹⁰³. Это был ключевой вопрос реформы: дворяне соглашались на освобождение лишь при условии, что они останутся собственниками земли и лишённые земли крестьяне, таким образом, будут вынуждены обрабатывать их поля в качестве батраков или арендаторов. Однако представители этатистского чиновничества понимали, что предоставление крестьянам «свободы птиц» невозможно, что оно чревато восстанием. «... Хлебопашцы без земли перешли бы в тягостную зависимость землевладельцев и были бы их полными рабами или составили пролетариат, выгодный для них самих и опасный для государства», — писал императору граф П. Д. Киселев¹⁰⁴.

Эти рассуждения в духе этатизма и теории «социальной монархии» оказались неожиданно близкими к «русскому социализму» А. И. Герцена. Основные требования А. И. Герцена, заявленные им на страницах «Колокола» летом 1859 года, сводились к тому, чтобы освободить крестьян с землей, сохранив при этом общину. В. И. Семевский отмечал, что эта программа фактически совпадала с правительственной программой¹⁰⁵. Неудивительно, что, ожидая ее реализации от монархии, А. И. Герцен писал о том, что существует возможность превращения самодержавия в «демократическое социальное самовластие»¹⁰⁶. «Разве освобождение крестьян с землей — *не социальный переворот?*» — спрашивал Герцен. — Разве освобождение крестьян с землей — *не социализм?*»¹⁰⁷

Решение освободить крестьян с землей подкреплялось также и тем, что по мере обсуждения реформы правительство ощущало все более нарастающее давление снизу. В отчете III отделения за 1857 год указывалось, что слухи о приближающемся освобождении привели крестьян «в напряженное состояние», что возможны массовые волнения и «спокойствие России» будет зависеть главным образом от «расположения войск». В 1855 году было зафиксировано 63 крестьянских выступления, в 1856—71, в 1857—121, в 1858—423, в 1859—182, в 1860—212¹⁰⁸. В июне 1858 года произошло большое восстание крестьян в Эстонии, причина которого, по общему мнению, заключалась в том, что эстонские крестьяне в свое время были освобождены без земли. Тревожные сообщения III отделения оказывали влияние на редакционные комиссии, в которых в конце концов возобладала позиция этатистов, настаивавших на освобождении крестьян с землей¹⁰⁹.

Группе молодых чиновников-реформаторов удалось провести процедуру разработки и принятия законов так, чтобы обеспечить видимость «согласия» со стороны дворянства. Дворяне называли Н. А. Милютина «красным» и направляли в правительство протесты и официальные записки против выработанного комиссиями проекта. «Суть достаточно однообразных записок и памфлетов... — отмечает И. А. Христофоров, — можно сформулировать следующим образом: реформа затеяна и проводится противниками дворянства, стремящимися разорвать союз высшего сословия с верховной властью, усилить роль бюрократии в управлении и распространить „социалистические начала“»¹¹⁰.

Раздавались и замаскированные призывы к неповиновению властям; едва не начавшиеся оппозиционные выступления были предотвращены полицией. С 23 января по 17 февраля 1861 года выработан-

ный редакционными комиссиями законопроект обсуждался в Госсовете (69 % членов которого были «плантаторами») и был отвергнут большинством его членов, но, несмотря ни на что, император утвердил его своей властью. О том, насколько реальной казалась тогда опасность, говорит то, что 19 февраля 1861 года, в день подписания указов о реформе, в Зимнем дворце были приняты особые меры безопасности, а для государя на всякий случай были приготовлены оседланные лошади. И хотя все окончилось благополучно, в апреле 1861 года Александр II счел нужным уволить в отставку тех разработчиков реформы, которые возбуждали особенное негодование дворянства¹¹¹.

Первый параграф «Общего положения» о реформе гласил, что «крепостное право отменяется навсегда». Согласно «Местным положениям» (их было несколько для различных районов), повинности и наделы крестьян должны были фиксироваться в «уставных грамотах», которые составлялись с помощью мировых посредников. Для каждого района были установлены максимальная и минимальная величина крестьянского надела; если крестьянин имел надел меньше минимального, то ему прирезалась земля, если больше максимального, то земля отрезалась. При согласии крестьян помещик мог ограничиться выделением им маленького «дарственного» надела (который составлял одну четверть от максимального), но при этом крестьяне освобождались от повинностей. При любых обстоятельствах помещику отходило не менее трети всей удобной земли, а в южных степных районах — не менее половины. В итоге произведенного раздела угодий в Центральном районе крестьяне потеряли 20 % земли, а на Черноземье — 16 %¹¹². Таким образом, наделы крестьян были урезаны и не давали им достаточных средств для существования. Чтобы уплачивать выкупные платежи и налоги, часть крестьян была вынуждена идти батраками к помещикам или арендовать у них землю.

В Черноземном районе после проведения отрезки средний надел крестьян уменьшился с 1,54 до 1,28 дес. удобной земли на душу. В это количество входила не только пашня, но и угодья (луга, сенокосы и проч.); пашня занимала в среднем 78 % надела¹¹³, то есть составляла около 1,0 дес. на душу. За этот надел крестьянин должен был платить оброк или нести барщину, в соответствии с нормами, установленными «Положением». Для оброчных крестьян размеры оброка в связи с уменьшением надела немного уменьшились, в среднем с 4 руб. до 3 руб. 55 коп. с души (всего населения), в хлебном исчислении примерно с 10 до 8 пудов. Размеры барщины сократились более сущест-

венно (в 3–5 раз), ее максимальный размер составлял теперь 40 мужских и 30 женских дней, преимущественно летом. Барщина стала невыгодной помещикам, и они стали переводить крестьян на оброк; оброк бывших барщинных крестьян был немного больше, чем у старых оброчных; он составлял в среднем 4 руб. 05 коп с души¹¹⁴.

Таким образом, крестьяне были освобождены, а их повинности зафиксированы, как это предполагалось сделать еще П. Д. Киселевым в 1841 году. Крестьяне, несшие эти повинности, назывались «временнообязанными», однако время их нахождения в этом состоянии не оговаривалось и зависело от помещика. Помещикам была предоставлена возможность перевести своих крестьян на выкуп земли и повинностей; помещик мог сделать это как по согласию с крестьянами, так и без их согласия (но в последнем случае он терял пятую часть выкупной суммы). Если же он не желал отпускать «временнообязанных» крестьян, то мог вести хозяйство по-старому; крестьяне могли лишь требовать перевода их с барщины на оброк (что было для них невыгодно)¹¹⁵.

В селах сохранилось старое общинное самоуправление — но теперь уже без вмешательства помещика. Государство стремилось сохранить связанную круговой порукой общину, которая гарантировала уплату налогов и распределяла их по силам плательщиков. Сельский сход выбирал старосту, который теперь получил и полицейские полномочия; он должен был обеспечивать отбывание повинностей и исполнение требований вышестоящей администрации. Было создано и волостное самоуправление по образцу существовавшего у государственных крестьян¹¹⁶.

С юридической стороны, важнейшей чертой манифеста 1861 года было то, что он подтверждал право частной собственности помещиков на «все земли, принадлежащие им». Как известно, это право было сформулировано в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 года, однако оно никогда не признавалось крестьянами в их обыденном сознании. Крестьяне исстари считали себя «вековыми царевыми» работниками, по царской воле обязанными нести тягло в пользу помещиков. По их понятиям, земля также являлась «вековой царевой» или божьей и находилась во владении тех, кто ее обрабатывает¹¹⁷. Поэтому требование выкупа земли, которую они считали своей, вызвало массовые протесты крестьян. Большинство крестьян отказалось подписывать «уставные грамоты», но тем не менее они вводились в действие. Крестьяне подчинились силе, но они так и не признали земли помещиков «неприкосновенной частной собственностью». Требование о возвращении захваченных помещиками

земель стало частью крестьянского менталитета; оно воплотилось в мифе о будущем «черном переделе»; по стране постоянно ходили слухи о том, что готовится царский указ, «что земля будет общая, для чего ее отберут у помещиков и разделят между крестьянами». Этими слухами и надеждами на царя крестьяне жили вплоть до революции 1905 года¹¹⁸.

Одной из форм крестьянского сопротивления было неисправное исполнение барщины — и этот метод оказался достаточно эффективным. Из-за невозможности наладить обработку своих полей, помещики стали переводить крестьян на выкуп. Для начала выкупа необходимо было перевести крестьян с барщины на оброк (или хотя бы определить сумму оброка, эквивалентную барщине). Размер выкупа определялся исходя из величины оброка так, чтобы, получив этот капитал и положив его в банк, из 6% годовых помещик мог получить ту же сумму. Цена надела, дававшего средний для бывших оброчных крестьян Черноземья душевой оброк в 3 руб. 55 коп, таким образом, определялась в $3,55 \div 0,06 = 59,16$ рублей; это было примерно на 20% больше рыночной цены. Если выкуп осуществлялся по согласию обеих сторон, то крестьяне должны были сразу же выплатить помещику 20% суммы из своих средств, а оставшиеся 80% выплачивало государство, предоставлявшее крестьянам ссуду. Эту ссуду нужно было выплачивать 49 лет, причем каждый год крестьяне платили по 6%. При выкупе надела и повинностей стоимостью 59 рублей крестьяне получали ссуду в $59 \times 0,8 = 47,2$ рубля, за которую нужно было каждый год платить $47,2 \times 0,06 = 2,83$ рубля, то есть меньше, чем прежний оброк в 3,55 рубля¹¹⁹.

К 1870 году на выкуп перешло 67% крестьян, к 1880 году — 85%¹²⁰. Выкупные платежи превратились в новый налог, уплачиваемый государству и заменивший прежние оброки и барщину. На Черноземье при пересчете на хлеб по средним ценам 1862–1870 годов этот налог составлял 6,5 пуда на душу против 10 пудов оброка в 1855–1859 годах¹²¹. Если же учесть, что, судя по динамике оброка в отдельных имениях, в 1840-х годах он достигал 14–18 пудов, то *рента с того времени уменьшилась более, чем вдвое* (нужно, правда, отметить, что и крестьянские наделы уменьшились на 16%). О том, что крестьяне сразу же почувствовали это уменьшение ренты, говорит быстрый спад волнений в деревне: за 1864–1869 года было зафиксировано лишь 389 выступлений — меньше, чем в одном 1863 году¹²². Важным обстоятельством было также и то, что новый налог собирался не с душ, а с земли, поэтому в расчете на душу с ростом населения выкупные платежи уменьшались. На Черноземье крестьяне платили в среднем 2 руб. 29 коп.

с десятины¹²³, что в 1860-х годах было эквивалентно 5 пудам хлеба; десятина же тогда давала в среднем 14 пудов чистого сбора¹²⁴. Конечно, у крестьян, имевших немногим более одной десятины на душу, не было хлеба на уплату выкупных платежей, и они были вынуждены арендовать землю у помещика или идти на заработки. В следующей главе мы рассмотрим более подробно положение бывших помещичьих крестьян после освобождения.

Некоторые изменения произошли и в жизни государственных крестьян. В соответствии с указом 24 ноября 1866 года было произведено размежевание государственных и крестьянских земель, и сельские общества получили на используемые ими земли «владенные записи». Наделы и платимый за них оброк при этом почти не изменились; крестьянам было предоставлено право выкупа земли; ее стоимость определялась так же, как для помещичьих крестьян, но ссуда не предоставлялась, и выкупить надел, заплатив сразу всю его стоимость, могли очень немногие. Наделы государственных крестьян были большими; в Черноземье в среднем на душу приходилось 2,4 десятины, почти в 2 раза больше, чем у помещичьих крестьян¹²⁵.

5.7. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1859–1864 ГОДОВ

Оппозиция дворянства Великой реформе вылилась в форму адресов, принимавшихся на губернских и уездных дворянских собраниях. Ряд собраний (тульское, смоленское, московское, харьковское, псковское, воронежское, петербургское, рязанское, нижегородское, тамбовское, симбирское и др.) заявили о неприемлемости «Положения 19 февраля» и необходимости его пересмотра¹²⁶. «Ожесточение их достигало таких взрывов ненависти, — писал о лидерах дворянской оппозиции князь А. И. Васильчиков, — коих едва ли позволял себе кто-либо из верноподданных русского племени»¹²⁷. Сенатор Н. А. Безобразов, выступая в январе 1862 года перед московским дворянством, утверждал, что «Положение» находится в вопиющем противоречии с «Жалованной грамотой дворянству», что оно покушается на священную частную собственность. В связи с этим предлагалось ходатайствовать о созыве государственного дворянского собрания, которое бы исправило «Положение» в соответствии с «Жалованной грамотой». Однако это предложение не набрало необходимых $\frac{2}{3}$ голосов¹²⁸. Дворянство понимало, что оно не может отменить реформу и ему остается лишь требовать компенсации — такой компенсацией могла быть аристократическая конституция, которая отняла бы

часть власти у монархии и передала бы ее дворянству. Этим стремлением получить возмещение за потери, по мнению В. П. Мещерского и Б. Н. Чичерина, и объясняется выставление оппозицией либеральных требований, массовый переход еще недавно консервативных дворян в лагерь либералов-конституционалистов¹²⁹. В среде дворян становится популярной аристократическая Англия с ее традициями лендлордизма и палатой пэров, обеспечивающей права знати. «Высшее дворянство мечтает о положении английских лордов и успехах Мирабо», — писал прусский посол граф Отто Бисмарк¹³⁰. Таким образом, происходило становление массового российского либерализма.

Переходу части дворянства на либеральные позиции способствовали новые победы конституционализма в Европе. Итальянская революция в 1859–1860-х годах привела к падению абсолютистских режимов на Апеннинском полуострове и объединению страны. По свидетельству современников, победы Дж. Гарибальди вызывали в русском обществе чрезвычайный энтузиазм¹³¹. Еще одним важным обстоятельством было то, что поражение Австрии привело к падению австрийского абсолютизма и утверждению австро-венгерской конституционной монархии. После этих событий Россия осталась последним прибежищем самодержавия в Европе. Дарование конституции Австрии стало важным аргументом либералов в пользу введения конституции в России¹³².

В феврале 1862 года тверское дворянское собрание приняло адрес с требованием созыва «выборных от всей земли русской», а также с рядом других либеральных предложений, в том числе, передачи земли крестьянам в частную собственность и создания независимого гласного суда. В поддержку требования о создании выборного представительства высказались ряд других дворянских собраний — ряжанское, московское, воронежское, смоленское, екатеринославское и др.¹³³ Подчеркивая остроту конфликта, министр внутренних дел П. А. Валуев в докладной записке, поданной Александру II 26 июня 1862 года, писал, что дворянство стремится «иметь некоторое участие в управлении. До тех пор, пока эти стремления не будут в известной мере удовлетворены, не будет ни мира, ни перемирия»¹³⁴. Однако среди либералов не было единства; хотя многие из них агитировали за созыв выборных, К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин высказывали опасения, что эта борьба спровоцирует большое крестьянское восстание¹³⁵.

Известие о реформе действительно вызвало волнения крестьян. Требование выкупа земли, которую крестьяне считали своей, привело к массовым протестам. В 1861 году имело место 784 выступления,

это была самая большая волна бунтов со времен восстания Пугачева; при подавлении 499 выступлений были использованы войска. Волна крестьянских волнений изменила позицию русских радикалов-социалистов; хотя крестьяне были освобождены с сохранением общины, условия освобождения были слишком тяжелыми, чтобы можно было говорить о перспективах общинного социализма. Весной 1861 года А. И. Герцен и Н. П. Огарев вступили на путь революционной борьбы и попытались создать тайное революционное общество для подготовки крестьянского восстания. Ближайшим помощником лондонских заговорщиков стал А. А. Слепцов, чиновник и богатый помещик, истративший большую часть своего состояния на создание школ для крестьян. А. А. Слепцов должен был связаться с Н. Г. Чернышевским и создать подпольный центр в Петербурге. Присутствовавший на встрече А. А. Слепцова с А. И. Герценом Дж. Мадзини рассказал Слепцову об основных принципах организации тайных обществ, в том числе о делении на «пятерки» и о способах тайной переписки¹³⁶. Характерно, что, встретившись с Н. Г. Чернышевским, А. А. Слепцов в первую очередь сообщил о совете Мадзини: «Он и у нас ожидает революцию... Советовал организовать...»¹³⁷. Этот совет вполне согласуется с мадзиниевским принципом «революционной инициативы», согласно которому, народ всегда готов к революции.

Большую роль в организации общества (которое А. И. Герцен назвал «Землей и Волей») сыграли также Н. А. Обручев и братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, в разное время встречавшиеся с А. И. Герценом и Дж. Мадзини в Лондоне. Члены первой «пятерки», в которую входили перечисленные выше лица, должны были привлечь пять новых членов и стать руководителями своих «пятерок», члены которых также привлекали новых членов и становились руководителями и т. д. Благодаря этому принципу общество быстро увеличивалось в размерах и к началу 1863 года, по данным А. А. Слепцова (возможно, преувеличенным), насчитывало примерно 3 тыс. человек. Особая роль отводилась привлечению офицеров, которые должны были, в свою очередь, сагитировать солдат и возглавить крестьян, которые, как ожидали, весной — летом 1863 года станут подниматься на восстания. Целью восстания была передача крестьянам всей земли без выкупа и созыв Земского собора, который правил бы вместе с царем¹³⁸.

Влияние международного революционного движения сказалось также и на деятельности другого подпольного центра — московского кружка Заичневского-Аргиропуло, который заявил свою программу в листовке под названием «Молодая Россия». Анализ содер-

жания этой программы, выполненный В. Е. Невлером, указывает на близкое сходство с программой «Молодой Италии». Известно, что П. Г. Заичневский предлагал сделать девизом своей организации девиз «Молодой Италии»: «Ora e sempre» — «Отныне и навеки»¹³⁹.

Все это давало возможность Дж. Мадзини заявить, что «тайная и важная работа, с каждым днем усиливаясь, проводится в России. Национальная партия, враждебная царскому самодержавию, связана с нами открытым союзом. Для знамени выбран девиз „Земля и Воля“. Эта национальная русская партия братски связана с национальной польской партией»¹⁴⁰.

«Национальная польская партия» между тем готовила свое восстание под лозунгом национального освобождения. Польские заговорщики приезжали в Петербург к А. А. Слепцову и в Лондон к А. И. Герцену, требуя поддержки, но «Земля и Воля» была не готова к выступлению. Тем не менее, когда в январе 1863 года вспыхнуло восстание в Польше, «Земля и Воля» выпустила воззвание к русским офицерам, призывая их соединиться с поляками, поднимать крестьян и идти на Москву. Польские эмигранты с английской помощью и при поддержке Дж. Мадзини попытались организовать высадку десанта на литовском побережье; они пригласили М. А. Бакунина участвовать в этом предприятии, но высадка не удалась. Другая экспедиция с отрядом гарибальдийцев под командованием Фр. Нуло достигла Польши, но отряд был разгромлен русскими войсками, и гарибальдийцы попали в плен. А. И. Герцен со страниц «Колокола» обратился к Европе с отчаянным призывом: «Великий брат, на помощь! Скажите слово цивилизации». 5 апреля 1863 года Англия и Франция вручили ноты царскому правительству с требованием автономии Польши¹⁴¹.

Польские националисты приняли некоторые меры, чтобы поднять на восстание крестьян: им обещали отменить выкуп за их наделы (но за полученную землю крестьяне должны были платить налог). Однако царское правительство пообещало польским крестьянам больше: не только отмену выкупа, но и дополнительное наделение землей за счет конфискации поместий у мятежной шляхты. В Белоруссии и на правобережной Украине (куда пытались прорваться повстанцы) выкупные платежи по различным губерниям были сокращены в 2–4 раза, плюс к тому крестьяне получили прирезку земли за счет помещиков, например, в Киевской губернии — 21 % к прежнему наделу, в Минской губернии — даже 45 %¹⁴². По существу, многие (если не все) чаяния крестьян областей, некогда входивших в Речь Посполитую, были удовлетворены, и в массе они отказались поддерживать мятежную шляхту.

С другой стороны, русская общественность была возмущена крайним национализмом повстанцев, которые намеревались восстановить Речь Посполитую в ее средневековых границах. Польское восстание и поддержка повстанцев Западом вызвали *традиционалистскую реакцию*, направленную против либералов и радикалов. День, когда А. И. Герцен выступил в «Колоколе» в поддержку поляков, был последним днем его популярности. «Диктатура мнения» перешла к М. Н. Каткову, который в «Московских ведомостях» резко выражал раздражение, вызванное требованиями поляков. Члены «Земли и Воли» были деморализованы, и организация распалась; некоторые руководители (А. А. Слепцов и Н. И. Утин) бежали за границу. А. И. Герцен потерял связь с Петербургским ЦК, каналы доставки «Колокола» сами собой закрылись, и журнал вскоре перестал издаваться¹⁴³.

Во время польского восстания как либеральная аристократическая оппозиция, так и «народники» выступали в поддержку восставших поляков. Угроза новой войны с Европой усилила влияние диффузионного фактора, и чтобы сделать «деспотизм» более привлекательным в глазах Европы, П. А. Валуев предложил конституционный проект, бравший за образец австрийское государственное устройство. Этот проект был поначалу одобрен, но когда угроза вмешательства держав миновала, его положили под сукно. Тем не менее дворянство продолжало оказывать давление на правительство. Будучи до конца последовательным, ярый англоман великий князь Константин Николаевич выдвинул план создания совещательного собрания из представителей земств и городов. Но правительство подавило дворянское сопротивление; Московское дворянское собрание было распущено¹⁴⁴.

Тем не менее правительству пришлось пойти на уступки и создать земское самоуправление в губерниях и уездах. П. А. Валуев свидетельствует, что императорское окружение видело в земских учреждениях «средство откупиться от конституции»¹⁴⁵. Земства были выборными органами, имевшими много общего с немецкими «земскими собраниями», «ландтагами». Члены земств выбирались отдельно от трех сословий: от землевладельцев, горожан и крестьян, но численно преобладали дворяне. В 1865–1867 годах дворяне и купцы составляли около 90 % членов губернских земских управ, а крестьяне — только 1,5 %. Земства назначали и собирали местные налоги, однако земское самоуправление было ограниченным и касалось в основном хозяйственных вопросов; вопросы охраны порядка оставались в ведении губернаторов¹⁴⁶.

Другой вестернизационной реформой, проведенной в этот период, была судебная реформа. Законодатели заимствовали принципы нового судопроизводства, главным образом, у Англии и Франции: разделение административной и судебной власти, независимость судей, равенство граждан перед законом, гласное судопроизводство с прениями сторон, введение суда присяжных. Государственные суды были организованы по образцу французской магистратуры с ее трехстепенностью судопроизводства; так же, как во Франции, должностные лица суда были несменяемыми — в отличие от прокуроров, назначаемых властями¹⁴⁷.

5.8. ИТОГИ РЕФОРМЫ

Реформы 1860-х годов создали две категории крестьян-мелких держателей: одни из них, государственные крестьяне, имели относительно большие наделы, другие, бывшие крепостные крестьяне, изначально были поставлены в условия малоземелья. Без посторонних заработков бывшие крепостные не только не могли платить подати, но зачастую не могли прокормиться собственным хлебом. Проблема нехватки земли обычно возникает вследствие роста населения, но в России она была создана искусственно, путем обезземеливания крепостных помещиками и последующего закрепления создавшегося положения реформой 1861 года. Дальнейший рост населения должен был усугубить это положение и привести к социальному взрыву.

С другой стороны, сохранение общины и придание ей самостоятельного статуса создало новый сектор экономики, построенный на уравнительных и коллективистских началах. Как известно, партия социал-революционеров («эсеров») считала общину готовой «ячейкой социализма» и полагала, что смысл будущей революции будет заключаться лишь в ликвидации частновладельческих земель и передаче их общинам¹⁴⁸.

Реформа была проведена монархией вопреки сопротивлению дворянства, что ярко продемонстрировало силу самодержавия и его относительную независимость от сословий и классов. Монархия вновь стала этатистской, то есть заняла ведущее положение в структуре «государство — элита — народ» и обрела силы, чтобы регулировать отношения между другими элементами структуры. Прежде находившиеся в жесткой оппозиции демократы были готовы аплодировать самодержавию. А. И. Герцен и Н. И. Тургенев теоретически обосновывали преимущества абсолютизма: «Я сочувствовал неограниченной влас-

ти, защищая необходимость ее для освобождения страны от эксплуатации человека человеком», — писал Н. И. Тургенев¹⁴⁹. Дворянство, бывшее ранее опорой монархии, перешло в оппозицию и, взяв на вооружение западный либерализм, потребовало ограничения самодержавия. Одно время казалось, что опорой самодержавной власти может быть только «социалистическое» общинное крестьянство. «Если мы разрушим общину, — говорил Н. А. Милютин в 1865 году, — Россия не продержится и 24 часов. Крестьянский мир — единственный консервативный элемент у нас: все остальные классы исполнены революционных начал...»¹⁵⁰

Подводя итоги, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что реформы 1860-х годов были вызваны совокупным действием демографического и диффузионного факторов. Действие демографического фактора проявлялось в угрозе крестьянского восстания, которая была следствием сокращения наделов и отягчения повинностей крепостных в первой половине XIX века. Начиная с 1820-х годов, крепостные крестьяне существовали в условиях регулярно повторяющегося голода, что вместе с учащением эпидемий было главной причиной фактической приостановки роста крепостного населения. Крайне тяжелые условия жизни крепостных крестьян отражались в увеличении числа крестьянских выступлений и в угрозе всеобщего бунта.

Как утверждает неомальгузианская теория, Сжатие должно было вызвать тенденцию к этатизму и попытку проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа. Великая реформа была именно такой этатистской социальной реформой, проведенной монархией, исходившей из общегосударственных интересов. Однако демографический фактор смог вызвать трансформацию структуры, лишь действуя совместно с диффузионным фактором. Действие этого фактора проявлялось по нескольким направлениям. Новая военная техника обеспечила победу союзников в Крымской войне, что доказало превосходство Запада и необходимость модернизации по западному образцу. Сама по себе новая техника, возможно, еще не требовала отмены крепостничества, но в контексте диффузионистской теории техническое превосходство Запада побуждало брать пример с Европы во всем — то есть, в том числе, освободить крестьян. Мощное диффузионное влияние проявилось в появлении партии западников и пропаганде либеральных идей, в том числе, и в окружении императора.

Действие диффузионного фактора проявлялось не только в отмене крепостного права, но и в судебной и военной реформах, в начав-

шейся компании по строительству железных дорог и в «грюндерской лихорадке». В целом все эти (и некоторые другие) нововведения означали начало широкомасштабной модернизации по западному образцу. Однако один из аспектов этой модернизации — дворянское требование создания выборного представительства — вызвал неприятие со стороны элитистского правительства, и модернизация в этом направлении была ограничена созданием земств. Еще один аспект модернизации — требование автономии со стороны поляков — показал, что модернизация таит в себе опасность для целостности империи, и породил *традиционалистскую реакцию*. После 1866 года все реформы, кроме экономических, были приостановлены, и начался «период реакции».